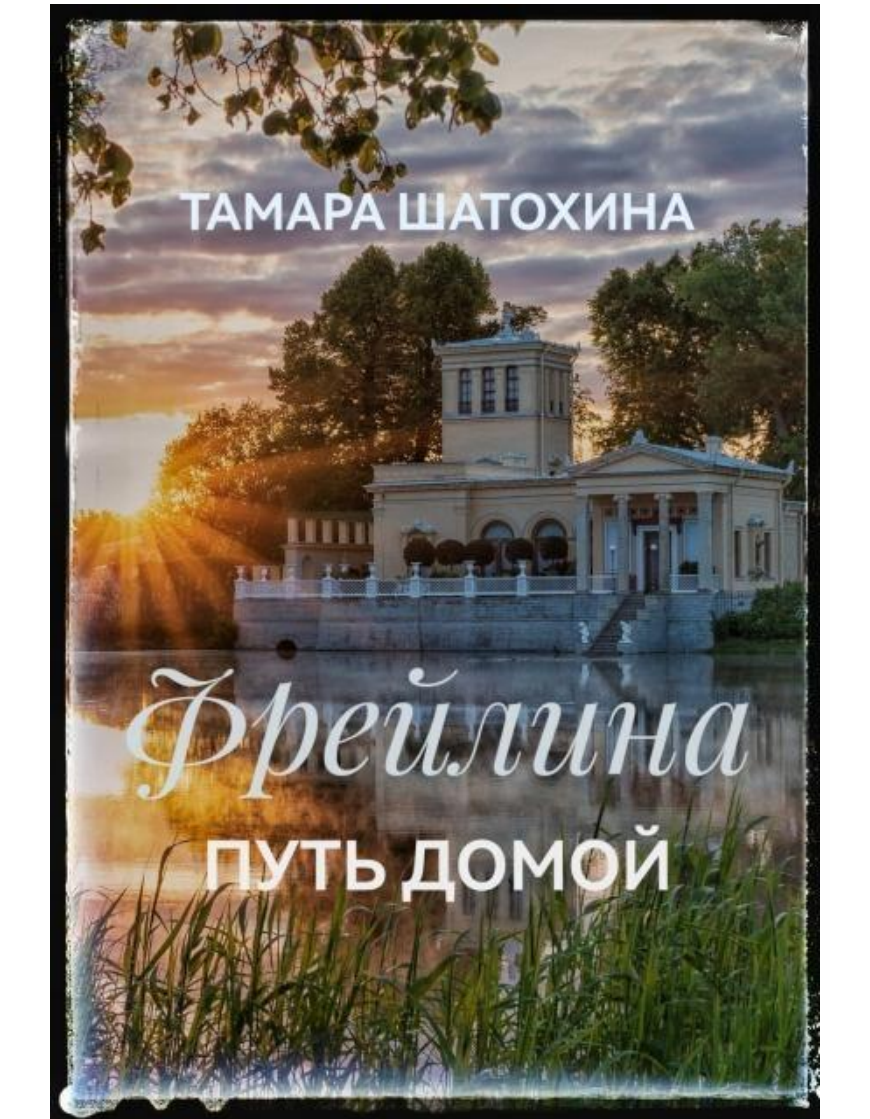

The background of the book cover is a photograph of a large, light-colored classical building with a central pediment and columns, situated on a raised platform. A body of water in the foreground reflects the building and the sky. The sun is setting behind the building, creating a warm, golden glow and long rays of light. Tall reeds are visible in the bottom foreground. The sky is filled with soft, colorful clouds.

ТАМАРА ШАТОХИНА

Фрейлина
ПУТЬ ДОМОЙ

Тамара Шатохина

Фрейлина. Путь домой

<https://litres.ru/74383888>

Аннотация

Заключительная 4 книга цикла. Что будет, если женщина-историк вдруг окажется в ином времени и рядом с людьми, жизнь которых изучена ею, казалось бы, до мелочей? Много чего... даже если фрейлина ты уже больше формально, но все равно чувствуешь себя обязанной спасти если не весь мир, то хотя бы свою страну. На повестке дня будущая Крымская война, пандемия холеры и, как ни странно - еврейский вопрос. И будущее объединение Германии, и вопрос крепостничества в России. А еще совершенствование ее флота и вооружений и много разного прочего... Трудно. Особенно, когда параллельно приходится решать вопрос благополучия своего ребенка и отношений с мужчинами.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	46
Глава 4	65
Глава 5	83
Глава 6 Фредерик	104
Глава 7	125
Глава 8	140
Глава 9	157
Глава 10 Константин	180
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Глава 1

Я трогала его волосы, стараясь делать это осторожно, тихо шептала что-то, боясь разбудить и поражалась внезапному озарению... Вполне возможно, что это он - Константин Николаевич Романов и был причиной того, что *там* моя личная жизнь не сложилась.

Потому что нельзя принимать для себя, как эталон или мерило, мужской образ из позапрошлого столетия.

На те же грабли наступила в свое время Цветаева, влюбившись в портрет Тучкова-четвертого, но сумела разделить для себя мечту и жизнь. Я же очаровалась не так внешне, как внутренней сутью мужчины, похоже даже не подзревая об этом.

И сделала это напрасно.

Нельзя читать чужие письма. Нельзя настолько погрузиться в чужие эмоции и по многу раз, мечтательно прикрыв глаза, мысленно повторять это восторженно-мальчишеское... потрясенно-радостно звучащее между строк - «я влюблен по уши!» И с настырным, почти болезненным интересом вглядываться потом в юношеское лицо на парадном портрете - нельзя!

Нельзя сокрушаться его преображению на следующем из них – пышным бакенбардам... просто ужасным на молодом лице. Нельзя любоваться солидным уже мужчиной, пожившим... и делать вывод, что с возрастом он стал только интереснее. Здесь пышные баки шли ему, вполне. И жалеть его изломанную жизнь было нельзя. О том, что мог, но так и не

совершил в ней – нельзя было сожалеть.

А потом он произнес те самые слова для меня – «я влюблен в вас по уши!» И с тем самым выражением, что я услышала когда-то между строк.

И будто ментальный удар... романтика момента тогда сбивала с ног! Атмосферный антураж и чарующая прелесть ситуации не оставили мне и шанса.

А еще золотые эполеты... военный мундир.

Он всегда действовал на женщин магическим образом. Профессия военных – умение защищать, а это одно из главных качеств настоящего мужчины. Военный мундир это веками запечатляемый на женской подкорке сигнал: здесь твой щит от всех бед этого мира. Тут безопасность, опора, крепость и спасение для тебя и ваших будущих детей. Может и не всегда это оправдано, и даже наверняка, но воспринимается почти безусловно.

А потом случился наш первый поцелуй и первая близость.

Я смогла отказаться от продолжения, хватило ума и силы духа сделать свой выбор. И это было разумно, только это и было правильно. Я успешно давила в себе тоску, замещая ее чувствами к своему ребенку, старалась не думать, пыталась забыть. И у меня почти получилось. Даже сомневалась - так ли сильно любила?

А теперь - это. И даже если что-то там ушло, то сейчас я влюблялась заново.

Нельзя было остаться равнодушной к настолько высо-

кой нравственности и духовной чистоте. «Низменное это во мне»... да слов нет! Может я вижу мир как-то иначе? Но то наше с ним было не о распущенности, а о жадности жить. А еще я сразу уловила в нем какой-то внутренний надлом, почти отчаянье. Или что-то другое, но тоже очень неправильное, то, что нужно срочно обезвредить и устранить. И ожидаемо мигом возникла нормальная женская потребность - пожалуй, успокоить, любить.

Я усмехнулась, вставая с края кровати.

Конечно, получилось у него не слишком обходительно и политесно. Далековато от понятия «деликатность» или даже «пристойность». Да и хрен бы с ними - пристойностями, когда тебя так хотят – до почерневших глаз и голодного волчьего взгляда. До сорванной напрочь крыши.

Он застал меня врасплох. Порыв ему навстречу случился... протест сформироваться не успел.

Потрясенно приоткрыв рот от пронизывающего ощущения, я покорно прикрыла глаза, рассыпаясь внутри на сотни тысяч удовольствий. И то ли обреченно, то ли с облегчением понимая, что трепыхаться поздно - уже случилось и происходит. Смирилась и приняла, отсекая сознание от окружающего мира и полностью сосредотачиваясь на своем удовольствии.

А потом я смотрела на него спящего и вообще черт знает что чувствовала. Одни только перчатки на его руках чего стоили. Хоть плачь, хоть смейся – меня только что бесце-

ремонно pardonnez-moi... отымили в белых перчатках и "не снимая ботфорт". Классика.

И это было незабываемо - расплывалось мое лицо в улыбке, потому что вряд ли такое повторится. Порыв, момент - вся прелесть в нем. И в измотанном то ли дорогой, то ли воздержанием, то ли жизненными коллизиями мужчине.

Понимая, что продолжаю и никогда не переставала любить его, я помнила сейчас и то, что, по сути, ничего между нами не изменилось. Просто еще один кусочек счастья, еще один порыв, еще один момент. Я была готова к этому тогда и сейчас тоже решила ничего не менять.

Выяснять отношения и свой статус, планировать что-то совместное дальше завтрашнего дня точно не стоило. Я согласна была оставаться тайной любовью этого мужчины. Любимницей при жене – нет, но его женитьба еще где-то там... в далеком будущем.

Сейчас случился порыв... бывает. Но как быть дальше? Я не знала.

В той своей жизни без вопросов оставила бы Костю у себя, накормила, отлюбила, проводила бы потом, собрав в дорогу – все, как положено. Но здесь? Я решила инициативу не проявлять, предоставив действовать ему.

Проснувшись через пару часов, мой гость не выказал смущения или неловкости – похоже уже способен был контролировать свои действия и эмоции. Крепко поцеловав меня тайком, потянул носом и широко улыбнулся.

- Яблоки... и опять ты пахнешь яблоками.

Я улыбалась в ответ, пожимая плечами – допустим, не совсем и я. В доме целая корзина их, она и благоухает.

Извинившись за то, что вынужден отлучиться на время – его ожидал то ли сослуживец, то ли попутчик, Костя ушел. А я еще постояла, глядя ему вслед и чувствуя себя странно донельзя. Сон... не сон...

Где-то через час он вернулся, но тянуть меня в дом больше не стал. Мы чинно поужинали во дворе, как когда-то с Отто. Я все еще была немного не в себе... или пускай - слегка растеряна. Поэтому много говорила, задавала вопросы... а он подробно отвечал, не отводя упорного, пристального взгляда и ужасно смущая меня им. Я излишне суетилась, наверное... ерзала на стуле и густо розовела. Непонятно было – что теперь, когда опять и как вообще? А я бы не отказалась повторить и больше того – хотела этого.

Даша угрюмо молчала, занимаясь ребенком, хотя перед этим я подробно объяснила ей что к чему – она сама давно уже должна была понять, что мой официальный брак чистая фикция. Я честно и долгое время пыталась сблизиться с ней, перевести отношения если не в дружеские, то хотя бы в добрососедские. Но она упорно выдерживала какие-то свои, неведомые мне границы. Ну... нет, так нет – решала я в который уже раз. Сейчас мне точно было не до нее.

Я хотела новостей и услышала их: Россия получила рецепт борьбы с холерой, заимствованный у немецких врачей. Пра-

восславная церковь взяла на себя просветительскую миссию во всем, что касалось эпидемии. А та уже широко шагнула по русской земле, хотя к Москве еще не поднялась и западных губерний не достигла. Здесь я с облегчением выдохнула и засуетилась уже радостно, настойчиво подкладывая гостю еду.

- Ты тревожилась о родных? Им ничего больше не грозит, надеюсь. Если только всё, что делают сейчас, действительно верно, - похоже чуточку сомневался в этом Костя.

- Не сомневайся. Я лично знакома с профессором Вундерлихом и бывала в Тюбингенском университете. А тревожусь уже не столько о Мише и маменьке... где-то на Кавказе брат - мой кровный, но дальний родич Саша Барятинский. Оттуда ведь всё и началось? Вот о нем я часто вспоминаю, за него и правда боюсь, - на радостях потянуло меня на откровенность.

- Разве князя Шонуровы-Козельские имели родство с Барятинскими? – отложил Костя приборы, демонстрируя таким образом полную заинтересованность и внимание.

- И мы, и они произошли от Рюрика. Родня и правда далекая, но... не смейся только пожалуйста – мы с ним побратались. Пока только условно - он предложил обменяться нательными крестами и даже прислал свой... или его копию. Просто как заявление о намерении. А я так и не собралась, замоталась как-то... а потом началось все это – с холерой. Ты будешь там ближе к нему, напиши, узнай пожалуйста. Я

писала, но ответа нет. Доставку корреспонденции я переадресовала, и маманька писала мне за это лето... два раза... - постепенно замедлялась я и совсем умолкла, понимая выражение его лица – зря подняла тему писем.

Замерла и сглотнула, ожидая расспросов, а может и разбор-рок, но Костя будто даже с усилием отвел взгляд... посмотрел на траву, потом в светлое небо, на котором неведомым образом уже потихоньку проступали самые яркие звезды.

Из глубокого ущелья, в котором расположился Бад-Урах, они становились видны еще засветло, да и ночью виделись особенно четко и ярко. Эффект подзорной трубы? Я не знала. Но факт.

- Костя... ты хочешь что-то сказать?

- Да... я успел увидаться с Оленькой, она еще оставалась в Петергофе, когда я уезжал... - резко сменил он тему.

А потом мы говорили о Севастополе, его службе там и еще куче интересных вещей, имевших прямое отношение к моим начинаниям и инициативам.

Когда Эльза подала травяной чай, уже темнело. Опорожнив чашку маленькими глотками, Костя вернул ее на стол и спросил, глядя мне в глаза:

- Сейчас я уйду, но вернусь... ты откроешь мне? Хочу быть с тобой этой ночью. И днем, насколько это будет возможно – на шесть-семь дней задержаться я смогу.

- Я хочу того же... открою, Костя! - тихо засмеялась я, чувствуя наконец свободу и легкость – прояснилось хоть что-

то. И инициатива исходила не от меня. Это уже достаточно прилично для этого времени? Вряд ли, конечно.

Я плавала во многих вопросах.

Разница в двести лет сказывалась почти на всем. До этого я не так и сильно это прочувствовала, держась на достаточном расстоянии от мужа и Ольги в том числе. Получалось как-то нивелировать и удачно обходить самые острые углы. Мелкие мои косяки принимали за чудачества юности или странности творческой натуры... или может наивность институтки. Но проведя эти дни рядом с Костей, я впервые настолько отчетливо прочувствовала разницу между им и мною.

Уровень бытовой культуры, речи, воспитания... все это я «исполняла», контролируя каждое свое слово и жест. Полностью расслаблялась и становилась собой только ночью и это было безусловно счастливое время. Костя уходил в сумерках, возвращался уже в полной темноте и тихо скребся в мое окно. Ступая на цыпочках, я кралась к двери и открывала ему - мы играли в Ромео и Джульетту.

Играли свою прекрасную романтическую мистерию, тайлись и шифровались, хотя от кого там?..

Даша тихо стучала среди ночи в дверь, и я выходила кормить Диму, возвращалась потом... конечно и она, и Эльза знали, а может и слышали, что за этой дверью я не одна. Но молчали, как и положено хорошим слугам, а я похоже уже приняла эту реальность – дружба между представителями

разных слоев общества если и возможна, то, к сожалению, это не наш случай.

Граница в отношении меня и слуг была, но и меж нами с Костей она существовала. Безукоризненные манеры, свои условности и правила поведения, присущие высшему свету, разносторонняя образованность и высочайший интеллект, как результат. Менталитет и самоощущение представителя высшей аристократии... это было у него в крови. Всосалось с молоком матери и прививалось с пеленок все годы взросления. Вспомнились кстати слова Ольги о том, что в пять лет она уже говорила и писала на трех языках.

Вот крохотный, но такой говорящий пример... Все эти семь суток Костя время от времени удалялся, вежливо извиняясь и как-то это объясняя, пока я не заметила одну закономерность и не сделала вывод – он отлучался в туалет. Скорее всего туда, где они с товарищем сняли дом. Я не знала, что делать с этими выводами, а потому ничего и не делала. Вряд ли ему так было удобнее. Скорее, соответствовало понятию о приличиях. Так что я тоже не отлучалась при нем на горшок даже прокомментировав это как «отойду попудрить носик». Раз уж понятие «что естественно, то небезобразно» здесь еще не прижилось, приходилось терпеть.

И таких примеров было достаточно.

Явно же до уровня его сословия во многом я не дотягивала, но удачно скрывала это. Ждала ночи, чтобы с радостью предаться наконец «низменному» - уставала за день соответ-

ствовать. И огорчалась понятно своему несоответствию.

Забеременеть я не боялась – кормление грудью было в полном разгаре. И все-таки... возраст девятнадцать и двадцать один был опасен – фертильность обоих зашкаливала, а второго своего ребенка я хотела делать когда-нибудь осмысленно и ответственно.

Один наш раз с Костей – ладно... но в том, что пикантные моменты мы повторим и еще не раз, я была уверена, как и в том, что множить риски не стоило. А потому собиралась воспользоваться старым и надежным, надеюсь, способом – кусочком мякоти лимона. В кислой среде мужские живчики не выживают...

Ранним вечером второго дня, когда еще не стемнело, но Димка уже уснул в доме, мы разожгли во дворе небольшой костер. Это было моим желанием или прихотью, которую Костя оценил:

- В прошлом... да и впервые, пожалуй, я сидел вот так, когда уезжал от тебя прошлый раз. Речники готовили ужин на костре, мы приставали к берегу...

- Спой для меня, Таис, - каждый вечер просил он меня потом.

И я брала гитару... по моей просьбе он нашел для меня где-то в Бад-Урахе гитару – пускай и не такую идеальную, как подарок Фредерика, но вполне себе годную.

Болели нежные кончики пальцев, отвыкшие от металла струн. Я терпела сколько могла, но потом переходила на а

сappella – Костя хотел много моего пения. Любая боль стоила того, как он смотрел на меня - любуясь, с нежностью, а когда и восторженно. И от этого было приятно и горько сразу.

Чужие песни, чужие знания, чужая внешность и голос – что из этого он любил во мне больше всего?

- Представь себе весь этот мир, огромный весь...

Таким, какой он есть, на самом деле есть -

С полями, птицами, цветами и людьми,

Но без любви, ты представляешь – бе-ез любви-и? – смотрела я в любимые глаза.

- Есть океаны, облака и города,

Лишь о любви никто не слышал никогда-а...

- Отпусти на октаву, - шептал он очарованно.

- Я-то отпущу, – смеялась я, - но разбужу тогда всю округу.

- Ты права, не слушай меня. Продолжай, Таис... - прикрывал он веки, вслушиваясь и замирая.

У меня было много их... песен. Я разнообразила это лето, делая подробный чертеж ручной мясорубки, знакомой до последнего винтика – собиралась взять патент, но и о возвышенном не забывала. Понимала, что когда-нибудь память станет подводить и я элементарно забуду... упущу, потеряю безвозвратно. Не хотелось этого. Вот и вытаскивала из головы когда полный текст песни... может частично и перевирая его - нечаянно. А когда получалось вспомнить только урывки текста, но яркие, крепко запавшие по какой-то причине в память.

Костя слушал:

От метели дикой сердце мое рвется,
Ведьма-выюга злая за спиной смеется.

Слишком долго было пусто свято место

И я в церковь еду - воровать невесту... - отчаянно горевали струны и мой голос.

Его глаза влажно блестели, отражая пламя костра.

- И я бы украл тебя. Знал бы тогда – украл.

Я улыбалась ему, получилась печально.

Не украл бы. Он мог обманывать себя, но меня не получится. Восторженный, порывистый, характер взрывной... но человек он думающий. И совесть у него есть, а еще он не просто любит, но и уважает родителей.

Брак аристократов, это всегда взаимная выгода и договоренность. Бывали случаи, когда молодежь бунтовала и заключались тайные браки или невесту брали увозом... но все они заканчивались разочарованием ровно тогда, когда уходила первая страсть. И тогда на первый план выступали проблемы, созданные ребятами под влиянием чувств и момента. И Костя тоже... возможно уже сейчас, глядя на меня через костер, он тихо осознает это – не украл бы.

А случись все-таки... как долго протянула бы я, корчась в душе от страха, что вдруг... когда-нибудь он узнает? В женском самопожертвовании есть своя прелесть конечно, но я уженачала уставать. Устала играть для него не свою роль, хотя и справлялась с этим на ура. Устала от корсета и перча-

ток... устала контролировать себя во всем, боясь разочаровать его, а того хуже - насмешить.

И с немецкой речью все было гораздо проще – она примитивнее нашей и не так сильно отличалась от современной мне. А вот словесные обороты в исполнении русской аристократии порой казались мне даже излишне вычурными. Устала горевать и гадать – а хоть что-то из моего... настоящего моего имеет для него значение? А если да, то что именно?

Тянуло признаться в своем попадании, открыться ему и успокоиться наконец.

Может поймет и не осудит, не испугается и не отшатнется, не воспримет чем-то инородным и лживым – чем по сути я и являлась для всех в этом мире. Исключая разве отца Иоанна. Но его я, по большому счету, использовала в своих целях, и он это понимал. Костя мог понять так же, а это уже вещи разные.

Понимание этого и остановило меня в одну из ночей, когда близость тел и душ казалась настолько полной, что душу просто рвало изнутри. Было наслаждение, восхищение, восторг! Хотелось доверия. Полного, чтобы стопроцентная честность меж нами.

Но я промолчала, крепко прижавшись к теплему плечу и задавив в себе опасный порыв. Страшно было потерять то немногое, что для нас с ним еще возможно. Всенашей так закончится рано или поздно. Так пускай лучше поздно. И я опять пела для него вечером, сопровождая пение гитарой –

душа болела гораздо сильнее пальцев.

Завралась... но остановиться уже не получалось – приходилось соответствовать образу. Да и был грешок... или даже потребность такая, почти непреодолимая – нравиться ему. Одобрения его, любования хотелось. Я кайфовала от его восторга, взглядов, признаний... сама ему радовалась и насмотреться не могла, почти и не чувствуя уже стыда. Старалась не думать о плохом, и страх тоже потихоньку уходил.

После пары дней, когда Дима был фактически брошен на Дашу и занималась я им только при кормлении, беспредел этот я решила прекратить. Не потому, что Даша... хотя и это тоже, а потому, что - ребенок. Мама для него сейчас - целый мир, а я лишаю его этого мира. И я тоже скучала, но навязывать общество своего ребенка Косте не хотела. Зачем? Но теперь возник другой вопрос – а почему нет, если сын часть меня?

И я решила показать своему гостю достопримечательности Бад-Ураха, начав с водопада.

Собирались на прогулку вдвоем, без Даши. От помощи, предложенной Костей, я отказалась – уже привыкла к весу своего ребенка. Корсет в этом, как ни странно, помогал – испытывая все-таки нагрузку, спина не болела. Закрепив на себе слинг, я удобно устроила в нем довольного, пускающего бульбы сына и крутнулась перед Костей, взметнув подол немаркого синего платья. Хвасталась.

- Выглядит очаровательно, но предпочтительнее, чтобы

ребенком занялась нянька, - позволил себе мужчина осторожное замечание, - мальчик уже довольно тяжелый.

- C'est la vie? - пожала я плечами, - но мы будем часто отдыхать.

На этот момент прошло трое суток из семи. Наши отношения плавно перетекали в следующую фазу, склоняясь от сугубо романтической и чувственной в сторону бытовой. Костя держал в руках коврик и сумку для пеленания и отдыха и с легкой обеспокоенностью, но и с интересом наблюдал странное для него приспособление слинг и моего ребенка.

Ничего, впрочем, удивительного.

Мое чудо было спокойным и улыбчивым мальчиком. Кошки, обычные для этого возраста, почти не мучали его – я еще не прикармливала и очень ответственно относилась к своему рациону. А если все-таки... то делала все, о чем помнилось с младенчества племянников – теплая пеленка на животик, массаж, лежание на пузике перед кормлением, газоотводная трубочка.

А еще Димка уже умел смеяться - и в ответ на собственное забавное гуление, но особенно радовался моему ласковому токованию над ним и песням. К музыке этот ребенок был равнодушен еще в утробе, и иногда мне казалось, что его плач был просто требованием очередного концерта – так быстро он успокаивался и умолкал, услышав мое пение.

О том, что интерес Кости к Димитрию мог быть не таким и безобидным и он мог выискивать в нем черты биологиче-

ского отца, я старалась не думать. Если когда-нибудь сын и станет похож на Дубельта, то еще очень нескоро.

В горах уже чувствовалось скорое приближение осени – жара незаметно ушла, оставив после себя приятное тепло. Все вокруг еще по-летнему зеленело, но воздух, особенно утренний, казался особенно прозрачным и чистым, как ключевая вода.

У последнего дома в пригороде, там, где следовало свернуть с дороги на тропинку, ведущую к водопаду, нам встретила толпа женщин в швабских костюмах. Короткие, до середины икр юбки, полосатые чулки, пресловутые шляпки, полные алых помпонов...

- Скоро осень, - проводив их взглядом, отметила я: - Штутгарту к лицу лето... осенью он снова по крыши утонет в тумане. Не хочу уезжать отсюда.

- Здесь тесно. Тебе действительно нравится жить в этом месте, доме? – осторожно поинтересовался Костя.

- Человеку на самом деле мало надо – крыша над головой, простая еда. В Смольном условия были гораздо хуже, так что я привычна даже к лишениям, а где ты их здесь видишь? У меня есть две помощницы, и кто-то там из соседей-мужчин помогает Эльзе, я расплачиваюсь с ним через нее. Спокойствие... это все, чего я хочу, - понесло меня с какого-то в откровения.

Может это и побудило его спросить:

- И ничего больше? Совсем ничего?

- Может еще отдохнуть, - остановилась я на красивой полянке, - присядем здесь?

- Присядем, - мягко согласился он.

Улыбался, глядя, как я устраиваю на коврике малыша, сажусь сама, расправляя юбки. Хлопаю рукой рядом с собой, приглашая сесть его.

- Давай - спина к спине? Так можно полностью расслабиться. Прикрой глаза и дыши всей грудью... чувствуешь – какой необыкновенный здесь воздух? Густой, как мед, – потянула я носом.

Послушно устроившись за моей спиной, Костя прислонился головой к моим волосам и потерялся о них затылком, портя мою прическу. Гулил рядом Димка и тянул ручки к пролетающим в небе птицам. Я полностью расслабила мышцы, прикрыла глаза и не удержалась - тихо засмеялась, переживая короткий момент простого, тихого, но необъятного по размеру счастья.

- Таис... почему ты отказалась от моих писем?

Глава 2

Вопрос, конечно, интересный...

Настроение рухнуло, радоваться резко расхотелось.

Вступать в дебаты на тему общего будущего смысла я не видела, но ответить надо было и желательно правду.

- Ты долго не отвечал, и это заставило меня задуматься и переосмыслить то письмо. Я вспомнила каждое свое слово и наконец поняла, что разочаровала тебя. Судила о том, что должно быть вне женских интересов. Позволила себе советы в самоуверенной манере, - выдохнула я.

Наверное, нужно как-то оправдаться?

- Если нужно объяснение... в том моем состоянии ожидание твоего ответа становилось почти невыносимым. И я просто прекратила это. Прости, - закончила я отстраненно.

Встав на колени, склонилась над сыном, ладонью проверила пеленки.

- Костя, мне нужно перепеленать ребенка. И сразу пойдем дальше – здесь совсем рядом уже, но теперь все время по лесу и тропа каменистая.

- Да, конечно, не буду мешать, - встав, мужчина замер спиной к нам.

Я быстро достала из сумки сухие пеленки, тихо уговаривая малыша потерпеть. Он радостно смеялся, почувствовав полную свободу и мельтеша всеми конечностями. Громко загулил, и это было уже не бессмысленное мычание, а возгласы. И я тоже заулыбалась, прогоняя подступившие было к глазам слезы. Пыталась уловить в новых звуках какой-то

смысл.

Ни один мужик не стоил вот этого! Ни одному из них я не нужна буду настолько сильно. Пусть на какое-то время, до взросления, но так и замыслила природа.

Услышав шорох, оглянулась – Костя крепил на себе слинг.

- Дальше Димитрия понесу я, - кивнул в ответ на мой взгляд.

- Костя... ты просто не понимаешь - он же может...

- Не имеет значения – дальше его несу я, - тихо, но твердо повторил он.

- Последнее слово за мужчиной... даже если рискуешь оказаться мокрым? – хмыкнула я, не глядя на него: - Повинуйся и не высовывайся со своим мнением, женщина? Как скажешь.

- Женское мнение имеет значение. Насколько большое – зависит от женщины. Я ценю твое - и сейчас, и всё то, что было в письме. Но последнее слово – ты права, оно всегда будет за мной, и я не понимаю твоей иронии в связи с этим. Я старший в этой... экспедиции и в наших отношениях также главенствую. Сейчас я принял на себя ответственность за вас... и за нас с тобой когда-то. Всегда выслушаю тебя, но окончательно решать мне – ты права. Ты не можешь быть равной мне во всем... и не потому, что я не хочу этого, а потому что у меня больше возможностей. Сейчас они в том, что я сильнее. И дальше Димитрия несу я. Об этом - все, но и в дальнейшем, Таис... на шаг, на полшага, но я всегда буду впер-

ди, иначе перестану чувствовать себя мужчиной. В том числе это касается окончательности решений, - звенел напряжением его голос, - подай мне Димитрия, я уже знаю - что и как нужно делать.

Оно того не стоило.

Будь я опытнее в здешних делах, а может и умнее, и смогла бы поймать ту тонкую грань, когда вроде и отстаиваешь свое мнение, но не посягаешь при этом на правоту чужого.

Не уловила.

Яйца выеденного все это не стоило – мелочь, ни о чем спор. Просто я не учла того, что случилось с ним там – без меня. А что-то случилось и очень нехорошее. Просто так люди настолько не меняются.

Костя стал жестче. Он стал решительнее и взрослее. Больше не было того милого мальчика и даже в постели это чувствовалось. И сейчас тоже... мне диктовал условия взрослый мужчина, наделенный к тому же реальной властью. И точно не стоило демонстрировать этой его версии феминистские взгляды. Не стоило не то, что вслух оспаривать, но даже мысленно подвергать сомнению его главенство.

Он всегда будет прав по определению - время такое. А хочу вариантов... шее нужно успевать вперед головы. Сама дура.

- Не забудь взять альпеншток, - напомнила я у высокого скального выступа возле тропинки.

Палка в человеческий рост обязательный атрибут даже

короткого восхождения, так принято везде в Шварцвальде. Всего метров сто по лесу, пускай и по каменистой тропе, следовало преодолевать со средством страховки – тропа шла вдоль ручья и была довольно каменистой, а еще поперек нее змеились поверхностные еловые корни. Убиться не убьешься, но споткнуться, упасть или подвернуть ногу – запросто. Выходя из лесу, альпеншток возвращали на место, прислоняя к скале.

Водопад привычно уже шумел, соприкасаясь с камнями своего подножия и игриво швыряясь брызгами. Раньше я подходила ближе, подставляя им руки и лицо, сейчас делать этого не стала и не только из-за отсутствия жары – исчезла непринужденность общения и лишних телодвижений не хотелось.

На расстоянии от воды были устроены лавки, мы присели на одну из них.

Костя не спешил снимать слинг, поглядывая по очереди то на потоки воды, свергающиеся с огромной высоты, то на ребенка, тянущего ручки к его лицу. А я, сцепив зубы, проклинала свой характер, глупость и неспособность строить отношения. Да я даже не пыталась! Просто жила, как всегда, а этого недостаточно. Нужны осторожность, предусмотрительность, а может и хитрость, но откуда бы им взяться?!

Костя вздохнул и коснулся моего колена.

- Я также должен объясниться... Почти в то время, что и твое письмо, я получил ответ на вопросы, которые в недо-

умении задавал себе уже некоторое время. Но даже получив их, я не желал верить... искал опровержения, более того – хотел его, желал всей душой. Среди прочего, в твоём письме было упоминание... нет – спрошу прямо: отчего ты ратовала за благополучие еврейского сословия, какие к этому причины?

- Я-а... прости, что я делала? – судорожно выискивала я в памяти компромат на себя.

Абсурд какой-то... не хватало еще рассориться из-за евреев.

Здесь еврейское сословие не касалось меня никаким боком, как и я его. В наше время вопрос национальностей для меня вообще не стоял – было глубоко... пускай – фиолетово. Хоть ты гордый внук славян, хоть финн, хоть тунгус, хоть друг степей калмык... перефразируя классика. Был бы только человеком, а не мразью. И то, и другое встречалось вне зависимости от принадлежности человеческой особи к какому-то вероисповеданию или народности.

- Костя, ты о чем вообще? – осторожно уточнила я.

- Ты просила о концессии на постройку железной дороги для купцов и промышленников-евреев.

- Просила, серьезно? – поразилась я, - а ты у нас раздаешь концессии на постройку дороги, оказывается? Может и еще на что, а я не в курсе дела. Прости. Так я просила... или может предложила использовать их капиталы в интересах государства? А вот за кого точно стоит просить, дорогой... за ко-

го действительно стоит переживать, так за исконно русских, которые... на минуточку – в рабстве находятся! Которых в родной стране, как скот, продают. Но если ты считаешь, что у евреев ситуация совсем швах... - резко заткнулась я, встретив нечитаемый взгляд.

- А ты... ты не хочешь просто встать сейчас и уйти? Я ведь, Костя, не изменюсь ни черта... *pardonnez-moi*. Я всегда такой была и впредь также буду в глаза говорить все, что думаю, а думаю я о тебе сейчас не очень хорошо. Сама небольшого ума, раз с тобой связалась, но здесь больше о чувствах... а с ними я как-нибудь справлюсь. Ты тоже. Потому что... с ума сойти! Ты подозреваешь меня в чем?! Что я лоббирую интересы каких-то людей, используя связь с тобой? Может еще и за плату? Ты с ума сошел... И зачем ты тогда здесь?!

- У-у-у... вах! – обиженно протянул Димка и громко заревел.

- Прости, прости, прости... - выхватила я его из слинга и прижала к себе, укачивая на коленях: - Он не привык, не слышал никогда крика. Тише, тише...

Ребенка я успокоила. Он хотел спать, тер глазки кулачками в царапках. Крохотный ротик широко зевал. Остальное... а остальное летело в тартарары похоже.

- Дима хочет спать, верни мне слинг, будь добр, - попросила я тихо.

Костя встал передо мной, расправляя складки ткани.

- Клади его. Будем говорить тише.

Даже сейчас он права качал... сил не было! Но, сцепив зубы, я смолчала, осторожно уложив сонного ребенка.

Оглянулась вокруг... город похоже отмечал какой-то местный праздник. Об этом говорило почти полное отсутствие желающих прогуляться к водопаду - нам встретились лишь пара мужчин, и нарядные толпы на улицах. Лучше места, чтобы поговорить, было не найти, а закрыть вопрос нужно.

Но я не успела, первым заговорил он:

- Лоббировать... слово употребляемо в американском политическом лексиконе, как ты можешь знать его? Как в твою голову пришло устройство... пулемета? Потому что проект этот имеет перспективы, и это мнение маститых оружейников. Патрон... До него едва додумались мы со Шкурятиным, да и то потому, что ты подсказала саму идею... и еще много чего, Таис. Ольга говорила, что боится тебя.

- Что-о? – опять вытянулось у меня лицо.

Но Костя не смотрел на меня. Тихо уточнил, не отрывая взгляда от потока падающей сверху воды:

- Ты права – прозвучало не совсем так. Она ценит тебя, ты ей нравишься, но сторонится она тебя все больше – боится ваших разговоров и тебя в них. Ей сложно заговорить вдруг о чем-то постороннем, потому что в любом из вопросов ты опять покажешь незаурядные... невозможные знания. То, что необъяснимо, всегда пугает, Таис.

- И тебя? – действительно удивилась я, - послушай... мы сейчас вернемся, и я покажу тебе кипы газет – за время пребывания здесь я все их изучила. Лоббировать? Я знаю откуда произошло это выражение – перед советом в Капитолии его участники задерживались в лобби... холле первого этажа и предварительно решали, за что выгоднее голосовать. Начало века, Костя... сейчас середина его и слово, понятие это давно уже не принадлежит только САСШ. Кроме того... в Смольном лучшим ученицам позволялось пользоваться библиотекой без ограничений, в Штутгарте к моим услугам была королевская. И если я способна не просто прочесть, но и составить собственное мнение о прочитанном... - шипела я, опасаясь разбудить сына.

- Я успокоил Оленьку, - остановил меня взмахом руки Костя и вдруг бесконечно печально улыбнулся, поворачиваясь ко мне и беря за руку: - Сам знал человека, имеющего мнение на любой счет. Иногда он ошибался, как ошибаешься и ты сейчас – подозрений на твой счет не было. Но впечатление от той новости было чрезвычайно тяжелым, а твои слова в письме только усугубили его. Я нечаянно объединил в себе две эти вещи и страдал от этого. Но потом прогнал дурные мысли, потому как... да просто глупо! Писал к тебе, просил прощения за молчание.

- Ты прогнал... не исключил возможность полностью, а просто прогнал мысли о вероятности того, что я пыталась тебя использовать, - сделала я вывод, - Костя, а давай закро-

ем этот вопрос? Итак, почему я писала тебе о промышленниках-евреях...

- Я не настаиваю, Таис. Ты обижена...

- Я настаиваю. Итак... начнем с истоков? – задумалась я.

Сказать у меня было много чего... Но как преподнести все это, не выглядя опять всезнайкой? Хотя знания-то мои больше исторического плана. Выводы, те уже более прогрессивного толка... но ему ведь не привыкать, что мыслю я нестандартно?

- Евреев в свое время вытеснили из родных мест более воинственные племена и не только их – это было время великого переселения народов. Но евреи до сих пор являются гонимым народом... В Европе им не разрешалось владеть землей – самим не хватало. Испания, Италия, Южная Франция местности гористые. В ремесленные цеха попасть со стороны также было трудно. Что оставалось этим людям, чтобы не умереть с голоду? И они занялись ремеслом, в котором со временем и опытом преуспели лучше всех – посредничеством между земледельцами, производителями товаров и покупателями. Едва не забыла – еще услуги кредитования, так называемый рост... деньги в рост. Или под проценты. Какой сейчас берут, не знаешь?

- На строительство железной дороги Ротшильд делает займы под четыре процента.

- А сроки займа и полного расчета? Дает под залог или?..

- Прости... но даже о процентах я знаю совершенно слу-

чайно. Еще то, что мелкие процентщики или кредитные товарищества в небольших поселениях, уверен - берут больше.

- О сложностях кредита пока не будем – вещь по определению неприятная, потому что вынужденная. Но потом напони мне... пошли дальше? Что является главным богатством любой страны? Конечно, это люди - их таланты и навыки. Но мы же о евреях?

- Говори, - кивнул он, не отрывая взгляда от моего лица.

- Их гнали из Испании и сжигали во Франции, но приняла Великобритания и на какое-то время дала защиту королю Польши. Польшу вскоре благополучно поделили... В Российской империи евреям разрешено земельное пользование, насколько мне известно. Но до этого... веками не имея земли, всё, чего добивались в жизни эти люди, они добывали своим умом. Способы могли быть не всегда чистоплотными, но это... жизнь?

Едва не ляпнула – бизнес...

Ни один из крупных и успешных в мое время не был построен исключительно честными методами. Государство не обеспечило такой вариант ни законодательно, ни... четырехпроцентным, твою ж мать!.. кредитованием хозяйствования и бизнеса. Но это ладно, это будет потом... и двадцать шесть процентов по ипотеке в том числе. И никаких тебе погромов в отместку, надо же...

- Единственное, чем я руководствовалась, давая тебе тот совет – использовать финансовые возможности, связи

и предпринимательские способности евреев насколько это возможно. И русских купцов и промышленников – вполне, почему нет? Но тех я не знаю, чем заинтересовать, кроме чистой прибыли. Евреям же можно предложить уступки... ненакладные для государства, но жизненно важные для них. Что именно? Вариантов масса, как я понимаю. Прости, если вышло сумбурно, скорее всего, все это ты и сам прекрасно знаешь, – решила я на этом и завершить. Устала.

- Мне любопытен твой взгляд, Таис. И нет – я многого не знал... все знать невозможно, - задумчиво качнул головой Костя, придерживая Димку.

Отвлекись от глобального, я прикинула - пишется малыш где-то раз в час... И молча проложила между своими мужчинами многократно сложенную пеленку, продолжая разговор:

- Костя, верю, что ты не знал раньше – незачем было. Но вот вопрос возник... почти в одно время с моим письмом. И что?

- Было не до того. Хотя в Киеве я попытался разобраться, но понял, что все обстоит еще хуже, - потер он лоб с мучительным выражением на лице.

И моментально дернулось внутри, потянулось к нему...

- Не принимай близко к сердцу, - сжала я его ладонь, - не твоя вина, да и не так плохо все с ними. Кто-то беден, кто-то богат – всё, как у всех. Хотя есть и несправедливости – соглашусь. Неравенства, сложившегося исторически, и так

много, так зачем множить его? В пределах государства хотя бы народы должны быть равны в правах.

- Верно, так и было при дядюшке Александре, но уже невозможно, к сожалению. Подозреваю, что как раз в связи с прошлыми событиями в отце и родилась эта предвзятость. Для евреев установили границы проживания, вытеснив из больших городов. Дмитрий Гаврилович... Бибилов – киевский генерал-губернатор, - уточнил для меня Костя, - всячески поддерживая политику отца, сокрушался о том, что город много потерял с выселением из него евреев. Ведя скромный образ жизни, они продавали свои товары дешево, и те были лучшего качества. Но и это еще не всё – существует неравенство в призыве на службу. Еврейских мальчиков... часто восьми, десяти лет берут в так называемые кантоны, военные поселения. Я так понимаю - только для того, чтобы склонить к смене веры. Это все отец, Таис, и сейчас я нечаянно подстегнул... невольно, но умножил его неприязнь. Что-то следует предпринять, как-то сгладить... я думаю над этим, но пока еще не знаю – как именно.

И я не знала. В вопросе отмены крепостничества и то не было удобного для всех решения, а уж здесь...

- Костя, это власти вырывают малышей из семей? – такое понятие, как кантоны, было новым для меня и требовало уточнения. Действительно нельзя знать всего.

- Нет. Старшие поселений сами предоставляют малолетних рекрутов. Требование закона относится к двенадцати-

летним. Но и призывают евреев больше и чаще, нежели иные народности. Кроме того, им недоступна учеба в России.

Далеко не крепостное рабство... но тоже вопрос большой – и в мое время образование детей в каждой еврейской семье было идеей фикс.

- Здесь я тебя никак не успокою. Несложно предположить, чем все это может аукнуться в будущем - выучившись за границей, грамотные еврейские мальчики вернутся в Россию и станут бороться с притеснениями, как только могут. Потому что потребность в справедливости нормальная потребность для людей любой национальности. А поскольку мальчики грамотные, они грамотно создадут протестное движение – кружки, организации, пресса... Возможны даже акции агрессии, расшатывающие спокойствие российского общества. Со временем все это может привести к общим революционным настроениям, а в итоге и к революции. Неграмотными темными массами, в которые превратили за годы рабства российский народ, легко будет управлять... обиженным несправедливостью грамотным и образованным еврейским мальчикам. Они могли бы выучиться в России и стать врачами, учителями, инженерами. Власть денег огромна... возможно на время, пока не появится доверие с обеих сторон, финансовое образование для них будет невозможно... потом это можно будет пересмотреть, - наткнулась я на странный Костин взгляд.

- Но это уже дебри... прости – опять увлеклась. Но вот к

вопросу о займах и их обеспечении я вернусь... Сама мало понимаю во всем этом, но дело в том... есть один человек – прусский юнкер Бисмарк, член местного ландтага и признанный хозяйственник, человек аналитического склада ума. Он утверждает и даже настаивает, что ближе к концу года грянет мировой финансовый кризис, связанный как раз со строительством железных дорог.

Я перевела дух, вспоминая...

- Железная дорога Вюртемберга, как и прочих карликов, строится силами государства... им в этом случае грозит разве что откат. Более всего ударит по большим странам, в которых развито акционерное строительство, а Россия из таких, верно?

- Таис... нет, продолжай!

- Что?

- Потом. Продолжай, - упрямо кивнул Константин.

- Это не мои мысли и выводы – я мало понимаю в подобных вещах, но мнение Бисмарка считаю важным. Потом строительство железных дорог возобновится - безусловно, но сейчас... я не могу советовать, что следует предпринять, чтобы избежать потерь. Просто знай это. Посоветуйся с финансистами, посмотрите возможности... я верю этому человеку, Костя. А лучше бы тебе поговорить с ним лично. О чем ты хотел спросить?

- Больше не хочу. Прости мне сомнения, я виноват, Таис, - грустно улыбнулся он, убирая волосы с моего лба: - Де-

ло в том... все то прекрасное, что нравится мне безусловно, вдруг оказалось сосредоточено в тебе. В разлуке я мгновенно выхватывал взглядом части тебя, замечая их в других женщинах. И каждая из них отсылала меня мыслями опять же - к тебе. Разумными рассуждениями ли, запахом яблок, короной из кос... - с сожалением провел он рукой по гладкой прическе, заставив меня затаить дыхание:

- ... упрямо поджатой нижней губой, - тронул он большим пальцем мой рот, - цветом волос и глаз... молочно-розовым цветом кожи. В каждой из них что-то было, но ты оказалась средоточием. Я неспособен быть еще с кем-то, когда где-то есть ты. Верность у меня в крови, и это не достоинство, а скорее недостаток – неспособность prinzipiell...

- В принципе... - прошептала я еле слышно.

- Верно. Это настолько противно моей внутренней природе, что просто не получится, я полагаю, - усмехнулся он, - я был обижен на тебя еще и за то, что ты посчитала возможным отдать меня кому-то. Допустила это в мыслях. Сам я ужасно ревнив и считаю это частью своей любви... отсутствие ревности с твоей стороны заставило меня усомниться в твоей.

- Костя, - почти задохнулась я виной и пониманием, - все мы имеем огромную потребность в близости с другими людьми. Телесная, которой ты сознательно себя лишаешь, духовная ли... они замещаемы, пусть и недолго. У меня есть сын. Пускай тогда рядом с тобой будет близкий человек... друг?

- Незачем, я справляюсь, - отстранился он, - ни к чему привязываться к людям более необходимого. Не тревожься обо мне. И еще одно ты должна знать – я намеревался забрать тебя с собой в этот приезд. Независимо от твоего желания.

- Угу, - кивнула я. Конкретное заявление. Не раздражало, на удивление, скорее заставило усиленно соображать.

- Но сейчас это уже опасно – холера и... прочее, - продолжал Константин спокойно, - не время. И потому я прошу тебя еще на какое-то время задержаться в Вюртемберге. Ненадолго надеюсь, но потом я решу вопрос твоего развода, переезда и нашего брака.

- Угу... это только разумно, Костя, - провела я рукой по... измученному мужскому лицу? Понимая вдруг - с ним случилось что-то не просто плохое, но страшное.

- Не смотри так, Таис, я вполне благополучен и в сострадании не нуждаюсь. Будь осторожна с Его величеством Вильгельмом – он относится к тебе, как и Олли – с опасением. Это ее мнение – перед самым отъездом я вызвал ее на разговор о личном, но она упомянула и об этом также. Поговори с ним, объяснись, как со мной.

- Я говорила, уже. Мы понимаем друг друга, и человек он неплохой. И ты не беспокойся обо мне... Костя, мы так говорим, будто уже прощаемся... не так? Хорошо...

Он перехватил мою ладонь и прижался к ней губами, притянул потом к своей щеке. Господи, да я же за Луной для

него! Но все, что могу...

- Есть песня... спою для тебя тихонечко – хочешь?

Кивнул, отпуская мою руку. Я оглянулась - никого вокруг. И тихо... только ровный шум воды. Под темными елями, обступившими каменистую поляну, стелился полумрак, пахло влагой и хвоей. Улыбнулась, принимая решение... это даже лучше Луны.

- Призрачно все в этом мире бушующем,

Есть только миг, за него и держись...

Есть только миг между прошлым и будущим,

Именно он... называется жизнь...

Мечтательно прикрыла глаза, будто наяву слыша виртуозное вступление скрипок... как увертюру к приключениям и дальним странствиям.

- Ба... вуу... - радостно заверещал, таращась на меня, Димка. Все-таки разбудила. Улыбаясь сразу малышу и Косте, я повела руками... и продолжила, плавно пританцовывая на месте:

- Вечный покой сердце вряд ли обрадует,

Вечный покой для седых пирами-ид!

А для звезды...

Светка моя называла любой интим, кроме проникновения, аперитивом. Сейчас я была полностью с ней согласна – ничего интимнее, чем наши взгляды глаза в глаза и придумать было нельзя. Особенно после хорошей такой эмоциональной встряски. Сейчас я чувствовала нарастающее воз-

буждение, буквально захлебываясь этим аперитивом – мужской взгляд обещал настоящий пир этой ночью.

- Счастье дано испытать иль беду еще,

Есть только миг, за него и держись,

Есть только ми-иг!.. – взлетел мой голос перед тем, как сорваться почти в шепот и тут где-то сбоку послышался стук камешков... и еще какой-то легкий шум пробился сквозь звуки водопада.

Мы обернулись одновременно.

На тропинке, ведущей наверх, к развалинам замка герцогов Урах, замер молодой мужчина. И меня буквально пронзило веселым узнаванием – король из «Анжелики...» То же лицо, те же усики и одет щеголевато. «Классное мужское мясо» – мелькнуло в памяти... а не многовато ли сегодня Светки?

Мужчина перевел внимательный умный взгляд с меня на Константина с ребенком на руках. Тот выпрямился и надменно молчал, глядя на «короля». И я тоже сделала самое независимое лицо из возможных.

Летели секунды.

В конце концов мужчина слегка поклонился в мою сторону и обратился к Косте:

- Простите, Константин Николаевич... не имел намерения помешать вам – шел на песню.

- Не задерживаю вас, - кивнул в ответ... Великий князь и никак иначе.

Холодная вежливость в его голосе просто вымораживала. В царской семье лишь Мэри с юных лет грубо нарушала правила поведения и приличий.

Было дело – в семнадцать она требовала от гувернантки, чтобы фаэтон, а это открытая коляска, во время прогулок ехал в Новую Деревню – место дислокации воинских частей. Само собой, там им встречались офицеры, которым она весело кивала и строила глазки, что вгоняло тех в полнейший ступор. Потому что поведение царевны было совершенно неприемлемым, если не скандальным. Настолько высоко-титовная особа не должна первой снисходить даже до простого приветствия, не говоря о настолько раскованных знаках внимания.

Понятно, что наказана и уволена была гувернантка.

Сейчас я наблюдала как... то ли служебный этикет, то ли те самые приличия были соблюдены идеально.

Вывод - по какой-то причине Костя не любил этого человека, потому что обычно не придавал большого значения условностям, если только они не о прямом нарушении чего-то там...

Или очень сильно расстроился, что нас с ним увидели. И это было больше похоже на правду.

Глава 3

Мы возвращались обратно по лесной тропе, и я судорожно вспоминала... на ум приходили новые факты в пользу того, что я права – доказательства того, что я так настойчиво пыталась донести до Кости.

Что еще Вильгельм Завоеватель привел гонимых отовсюду евреев на остров и заявил британцам, что эти люди его личная собственность и обижать их нельзя. Больше того - заставил проводить все финансовые операции через них. И эта система пережила многих британских правителей – грамотное банковское управление дало свои результаты. Крохотная когда-то Англия стала Великобританией, распространив свое влияние на половину мира. Кредитует сейчас, кстати, громадную Россию, которая богаче ее в разы.

Но я шла, думала... и решила, что не буду этого делать, потому что не все так однозначно. И у октябрьской революции тоже было достаточно других предпосылок – три проигранных войны, последствия безграмотных реформ, недовольство самодержавной властью и ее слабостью.

А еще я поняла, что опять же... опять я взялась за свое и пытаюсь на что-то влиять, успеть вложить свои мысли в голову человека, от которого что-то может зависеть.

А он шел впереди, нес моего ребенка и сосредоточенно молчал. Не делился своими трудностями и даже не сказал мне кто тот человек... хотя понятно, что его попутчик или сопровождающее лицо.

И он прав – бессмысленно втягивать меня во что-то там...

что-то там объяснять. У нас слишком мало времени, а действительно помочь я могу только одним – дать ему желанную передышку. Помочь отойти душой от предыдущих потрясений или даже просто неприятностей, разрешить забыться возле себя ненадолго.

- Костя! – позвала я, - ты расстроен? Я очень люблю тебя... все будет хорошо, слышишь?

Он замедлился... остановился и стал оборачиваться ко мне. Но я обняла его за пояс со спины и прислонилась к ней щекой.

- Просто попроси его молчать о нас. И все будет хорошо?

- Ты не грязная тайна, Таис, хотя может казаться - я вождедею тебя и только... речь о твоей безопасности, - все-таки развернулся он ко мне и, уронив альпеншток, обнял правой рукой, потянувшись к губам: - Долго же ждал от тебя этих слов...

Еще через два дня он уехал, и я сразу засобиралась обратно в Штутгарт. В хлопотах сборов отошли на второй план переживания по поводу очередного расставания. А еще я выспалась наконец.

Не знаю, как в психологическом плане, но физически Костя не отдохнул. Расставались два измотанных донельзя человека – похудевшие, с темными кругами под глазами и воспаленными от недосыпа глазами. Всю эту неделю на сон у нас уходило хорошо, если часа три в сутки.

Позволить себе оторваться в постели днем было уже

невозможно – включился ум, а с ним и все взаимосвязанное.

И отказаться от ночных встреч было нельзя. Накрученные за день ожиданием – взгляды, слова, касания... ночью мы будто с ума сходили, отдаваясь тому, что оказалось сильнее нас. Та самая непреодолимая химия, когда привыкания к ее проискам еще не наступило... тот самый набор виноватых гормонов – они уверенно брали свое.

Пробравшись ко мне около полуночи, незадолго до рассвета Костя уходил, а меня вырубало сразу, стоило коснуться подушки и только необходимость покормить ребенка заставляла потом от нее оторваться. А утром опять приходил он и терять хоть минуту на что-то еще – тот же сон, казалось невысказанным кошмаром – их у нас оставалось все меньше.

Обедал и ужинал Костя где-то в городе, но завтракал у нас – Эльза по моей просьбе стала готовить сытный завтрак, и чтобы много его.

- Как ты относишься к немецкой кухне? – вежливо поинтересовалась я еще вначале, после первой нашей ночи.

- Говорят, она дурна, но я не согласен – проста скорее и не изобилует соусами. Прекрасно отношусь... как и к любой еде, главное предназначение которой – насыщать, - отвечал он, глядя мне в глаза, что, казалось бы, и нормально при разговоре.

Но я, как оголодавшая чокнутая нимфоманка, слышала совсем другое. Непроизвольно вычленив из контекста отдельные слова, видела в них намек... Краснела, как дура и

прятала взгляд. Несмело взглянув опять, видела потемневшие мужские глаза с расширенным зрачком, сдерживаемое дыхание, стиснутые в кулак пальцы... Низ живота наливался теплой тяжестью, дыхание сбивалось, я комкала салфетку, глядя беспомощно...

- Ты мало ешь. Уже сыт... или может?.. - срывался голос.

- Никогда не буду сыт... до конца. С тобой это невозможно, - еще усугублял этот засранец...

Нас спасли приличия.

Нам нужны были эти дурацкие нормы, пускай и соблюдаемые им в силу воспитания и на уровне искусственно привитых инстинктов. Просто чтобы выжить нужны были. Не существуй этих ограничений в его голове (я их не видела), и мы довели бы друг друга до полного истощения.

Зная природу того, что с нами происходило, противостоять этому я не могла и дело не в том, что «тело предавало».

Наслаждение существовало на каком-то высшем, недоступном моему пониманию уровне. На первом месте была физиология и с ней все было просто - ошеломительно и потрясающе. Но вот дальше... дальше меня плотно крыло настолько огромной благодарностью, такой нежностью несказанной и чем-то еще... таким же сильным, но уже не поддающемся определению.

Близость с любимым человеком оказалась штукой необыкновенной и отказаться от нее уже казалось чем-то не просто невозможным, но и преступным.

Он чувствовал так же.

- Костя, что мы с тобой творим? – почти в отчаянии спросила я однажды.

- Не знаю... но только это и мог дать всем нам Господь, а иначе... иначе чада его не плодились и не размножались бы с таким удовольствием и готовностью, - улыбался он в темноте.

Юмор... и его мы призывали в оправдание себе, как и божественный произвол. Но вопрос о «плодиться» был поднят и понятно – требовал досказанности:

- Таис... если случится ребенок, сразу дай мне знать, - стал напряженным его голос.

- Не случится. Я знаю, что для этого делать, уже делаю. Даша подсказала, а она травница, так что... хоть об этом не переживай, - успокоила его я, веря своим словам на все сто.

В Штутгарт возвращались, как и раньше - под охраной двух вооруженных конных, но в наемном экипаже. На козлах рядом с кучером сидел соседский работник – тот самый, что помогал Эльзе рубить дрова и таскать воду. Узнав от нее, что мы уезжаем, этот крепкий молчаливый мужчина напросился в попутчики – ему тоже зачем-то нужно было в Штутгарт. Я не отказала.

Помог он и с разгрузкой вещей по прибытию.

Мой пряничный домик не то, чтобы отсырел, но затхлость в долго остававшемся закрытым помещении чувствовалась. Я сразу ушла в сад с ребенком, пока Эльза и Даша поднимали

рамы, проветривали, рассредотачивали вещи и гоняли пыль.

У нас здесь тоже созрели яблоки, хотя урожай их нельзя было сравнить с предыдущим. Старинные народные сорта всегда склонны к нерегулярному плодоношению. И хорошо, если здесь небольшая корзина наберется – воображала я. О том, чтобы сообразить пастилу или повидло, засушить ли – в этом году речи не шло. Не яблочный... отсюда и непомерные цены – изо всех сил старалась я занять мозг посторонними мыслями.

Жрала тоска.

Смысла продолжать находиться в Вюртемберге я не видела. Я вообще его не видела больше ни в чем, кроме сына. Сладкой маленькой гирькой он повис на мне, лишая свободы и мешая планам, а ведь я столько могла бы!

Хотя бы живо участвуя в работе клиники Земмельвейса. Даже без специального образования смогла бы поднять ту самую статистику выживания рожениц и больных на недосягаемый этому времени уровень. Организовала бы начальную медицинскую подготовку в школе для девочек – Ольга планировала, но так и не сподобилась. Просто не знала, что следует преподавать, в чем еще роль женщины в медицине, кроме как подать воды и вытереть пот с лица больного или обмыть его. То же понятие о стерилизации, о доврачебной помощи при ранениях... Да и просто культивировала бы понимание того, что к больницам нужно относиться, как верующие к храмам.

Умная и хорошо образованная для своего времени, Ольга все-таки страдала излишним женским романтизмом, присущим этой реальности. Доброта и снисходительность, сердечность и простота в общении прекрасные качества, но еще в ней была склонность к философствованию, что подстегивало эмоции до восторженных или резко отрицательных. В ней все еще жила эта легкая наивность, как продукт воспитания девиц этого времени, заставляющая не просто искать во всех людях идеальность, но и требовать ее. Обижаться и сторониться их, если вдруг не соответствуют.

Я в эту пасторальную картинку не вписалась, это уже понятно. И тогда подключилось опять же – местная наивность, выискивая причины в высоком – мистике, сверхъестественности и прочей паранормальщине. Так проще и в женских романах описано.

Это выглядело наивно, как и многозначительное когда-то от Натали Бороздиной: творческие простои мол естественны для любого пиита - порой капризная муза лениво дремлет. Остальные фрейлины с пониманием кивнули, принимая загадочный вид и оставляя меня в некой прострации... Еще какое-то время я ждала смешков или хотя бы улыбок, но - хрен вам.

Она сказала это всерьез.

Я сидела в саду, тупо грызла яблоко и понимала, что то ли грянул кризис... то ли пришло время подвести итоги.

Этому времени я не принадлежала и за год не случилось

ничего, что способствовало бы моей ассимиляции в него. Ожидание ребенка и его рождение скорее стали причиной выжить и продолжать выживать.

Свое любопытство к этому периоду истории и его обитателям я насытила, новизна уже таковой не являлась и порядком приелась. Переменой мест, уверена, ничего было не исправить. Нет, в принципе можно, но только если переезжать в новое и обязательно прекрасное место хотя бы раз в месяц. А значит дело не в этом – дело во мне.

Не хватало главного – уверенности в будущем и больше того – даже ясного видения его у меня не было.

Не было ощущения стабильности. Своей крыши над головой... хотя это почти невероятная роскошь – иметь отдельное, только тебе принадлежащее пространство... как и некой суммы на счету в банке оказалось недостаточно, чтобы чувствовать себя надежно.

Костя тоже не стал для меня тем самым якорем и спасательным кругом. Наши редкие встречи в прошлом и в будущем... я и сейчас так понимала единственно возможные для нас отношения... не способны были дать мне гарантию спокойствия. Наоборот – следом за ними всегда подступали тоска и отчаяние. И если бы не Димка... если бы не гирька моя...

- Барышня... уж и справились мы, - мрачно доложила Даша.

- Ага, прекрасно, - подхватила я корзину со спящим ре-

бенком...

Чертежи «детского экипажа», как и копию патента на сие сооружение (все важные документы я взяла с собой от греха) забрал у меня Костя, ничему не удивляясь и только уточнив ряд нюансов. Знаменитого в будущем имени Carl Zeiss, на отказ которого я пожаловалась, он не знал, но в целом обещал подумать... не предпринять что-то там, но и то хлеб. Не мне, так кому-нибудь... не сейчас, так когда-нибудь потом.

Мясорубку свою – очередной прожект, я ему не демонстрировала. Усугублять не стоило, да и перспектив здесь я видела гораздо больше. Чем и решила заняться сразу по приезду, чтобы не сойти с ума, потому что, отоспавшись наконец, ударилась в рефлексию. Скучала и страдала в соответствии с правилами этого времени, принятыми у настоящих, «чувствующих» девиц и дам.

Втянулась в это дело по полной и много плакала. Был потерян интерес ко многому... да почти ко всему, кроме ребенка. Депрессия приближалась семимильными шагами и с приходом поздней осени все это во мне только усугубилось бы.

Движение - жизнь, да и новых впечатлений хотелось. Но прогулка по Штутгарту со слингом чувствовалась неправильной. Получилось бы в духе «по городу слона водили». Да и...

Проезжая по городу к своему дому, я не чувствовала радостного узнавания – Штутгарт нравился мне, но оставался

чужим.

Было дело — я выезжала в Питер по особенным дням, чтобы познать его со всех сторон. Случались прогулки, когда ливень стеной и в хрустящие морозы, в аномальную жару и унылой осенью, когда листва уже облетела. Но всегда я находила в этом городе очарование.

Поздней осенью кованые решетки оград смотрелись особенно рельефно и прекрасно гармонировали с ажурным плетением ветвей за ними... Ливень наполовину скрывал очертания старинных зданий, делая их похожими на старинные акварели... иней на плетении ветвей и оград дарил ощущение зимней сказки...

Питер, как и Штутгарт, также бывал отстраненным и холодным, плотно затянутым в туман. Но он всегда доминировал... и над природой тоже. Туман в нем мягко стелился, а не топил в себе.

Сейчас бы, казалось, я полжизни отдала, чтобы загадать желание, глядя на Семимосье... седьмого июля и в семь вечера.

Как-то в начале сентября... пара недель прошла со времени возвращения в Штутгарт, я решила наконец, что у каждой женщины бывают минуты слабости. А значит все у меня в пределах нормы и пора заняться делами - тем же патентом на мясорубку.

Но не тут-то было...

Димка вдруг закапризничал, выплевывая сосок, а еще

бесконечно какался. И паника накрыла меня с головой. Я нюхала обосранные пеленки, грела и массажировала детский животик и потом исходила в ужасе перед возможностью инфекции. Но температуры не было, какашка пахла привычно, а значит болезнь не подтвердилась.

Само собой, я кинулась с расспросами к Даше и ужаснулась в очередной раз. Оказалось, что для прикармливания в это время использовали рожок — отпиленный коровий рог длиной сантиметров десять, полый внутри и с продырявленным острым концом. Чтобы молоко вытекало медленно, на отверстие натягивали «соску» из куска коровьего вымени, размягчённого в солёной воде - ее Даша назвала «коровьей титькой».

И что - вот это?.. При том, что молока у меня хоть залейся?

Голод не тетка - решила я - а иногда он даже лечит. Проголодается, съест и какашку.

Подействовало.

Почти сутки ребенок плакал и мурыжил нас, плевался и не спал толком... но, наконец, жадно заглотил сосок и потянул в себя молоко. Кривился и морщился, но ел, а я... я медленно прозревала, покрываясь холодным потом. Потому что процесс кормления стал ужасно болезненным для меня. Кажалось, чувствительность соска и кожи вокруг увеличилась в разы. А это уже не случайность, это уже система...

Верить не хотелось.

Я уложила сытого ребенка на ночь и улеглась сама. Уснула. Среди ночи проснулась, будто пнули и затряслась в беззвучном плаче – я беременна. Твою мать... я опять беременна!

Хотелось умереть. И я почти решилась – закрыть глаза, и чтобы – все! Отдохнуть наконец от всего. Но гирька моя... Фредерику он на фиг не нужен.

Утром я позвала Дашу, немного помялась, подбирая слова... и спросила прямо:

- Даша, ты знаешь способы избавиться от тягости на ранних сроках?

Это было актом величайшего доверия к ней с моей стороны. Несмотря на явное порицание ею моего поведения и ответы через губу, относилась я к ней по-людски и сейчас просила совета, в котором жизненно нуждалась. На что моя Даша плюнула в пол, молча развернулась и ушла.

Я еще подождала – может за травками?.. Но потом, увидев, что она молча занимается обычными повседневными делами, поняла, что она давно уже не моя Даша.

Я присела в кресло и сидела в ступоре. В гостиной первого этажа. Ничего не чувствуя - совсем. Переваривая ситуацию. Адаптируясь к ней и осознавая.

А дальше случилось просто случайное, постороннее. Ни коим боком не касаясь ситуации - Мурка принесла в зубах живую мышь. Доставила, как трофей, чтобы отчитаться в достижениях или в выполнении служебных обязанностей. Я не

помню, как взлетела на стол... не помню, как орала...

Наверное, с этим и наступил предел чему-то там во мне.

Утром на следующий день я отправилась в Российское посольство в Штутгарте и попросила аудиенции у князя Горчакова. Повезло – он был на службе и принял меня приветливо, можно сказать – обласкал. И просьбу мою исполнить обещал, как и заехать при случае провести крестника.

Вернувшись домой, я позвала Дашу.

- Мне осточертело, Даша. Проще говоря, в твоих услугах я больше не нуждаюсь. Ты настолько токсична... поясню – ядовитая особа, что сложности, которые предстоят мне без тебя, на решение мое не влияют. А потому – иди на хрен, Даша! Меня ты посылала в то же место... молчаливо правда, но множество раз, а я просто устала, - спокойно смотрела я в лицо человека, так и не ставшего близким мне: - У тебя есть выбор – едешь домой, а значит на родину-матушку к детям. Напишу тебе хорошее письмо к маменьке, оплачу дорогу и не только. Послезавтра от нашего посольства отбывает курьер – быстро домчит. И второй вариант – раз так обожаешь Фредерика, иди жить в его дом, ключи у меня есть. Вернется из Пруссии, а может и уже... не сильно ему надо – извещать меня о таком, и станешь со всей радостью ему... прислуживать. Видеть тебя больше не хочу! Нервничать мне нельзя, а ты ходячий триггер. Ступай, собирай свои вещи. Можешь взять мой чемодан. Справишься, дай знать – отправлю тебя к посольству, перекантуешься там сутки – ничего страшного.

Все на этом! – встала я и вышла из гостиной.

Поднялась на второй этаж и перенесла к себе Димку. Кое-как перетасила из комнаты Даши его кровать, не боясь надорваться и выкидыша – как Бог пошлет, а там... на хрен всех! Выживем.

Я не знаю, что чувствовала. Ничего и все сразу. Было плохо, и в то же время чувствовалось облегчение – я избавилась от этой совести ходячей и приняла решение рожать, если выношу... опять же – как Бог даст.

Жопа, конечно.

Грубо, но только такой вариант определения ситуации и соответствовал нынешнему эмоциональному фону.

Злиться на Костю не было причин, все случилось в тот раз – самый первый. Могло быть тогда как-то иначе? Вряд ли. И никто здесь не виноват. А то, что получилось, как в той песне – сладку ягоду ели вместе мы, горьку ягоду я одна... так на то она и классика.

Нет, к нему у меня претензий не было. И извещать его о беременности я не собиралась – будет только хуже. Как и все мужики, он непредсказуем в этой их странной логике – натворит...

Вниз я больше не спускалась, готовилась ко сну. Пока не найду постоянную няньку, нужно было учиться справляться самой. Барчук капризничал, будто чувствовал.

- А если по жопе, ваше сиятельство? – рыкнула я.

Кстати, и об этом тоже... княжеский титул нам до сих пор

так и не подтвердили, хотя ребенку уже пятый месяц - еще один повод расстроиться.

Димка вытаращил глаза на мой окрик и расплакался. Топило виной и орать хотелось – от ситуации этой, от безысходности проклятой!

- Сейчас, хороший мой, сейчас мама включится... - рыдали мы уже на пару.

Держала сына на руках и успокаивала его. Он пах сладким и нежным... бесконечно родным счастьем пах. Так пускай будет еще одно – от любимого человека. Удивительное дело - генетика. Как обязательно и даже неотвратимо перенимаем мы черты родителей! И будет у меня кусочек Кости...

Успокоились оба в конце концов.

Ночью я долго не спала, хоть и устала - одолела бессонница. До полуночи смотрела в потолок, разглядывая тени на нем, пятнышки и трещины. Чтобы не думать, искала похожесть с чем-то, мысленно дорисовывая недостающее. В щель между шторами пробивался лунный свет. Потом резко стемнело и ветер усилился. Через час он уже бушевал, нашептывая в дымоход свои ночные сказки.

Мое попадание вначале и походило на такую сказку, но вот потом... Меня затрясло, по щекам лились слезы, и я не знала, как это остановить. Не представляла, что с этим делать, как жить дальше?

На кровать ко мне вспрыгнула Мурка, гибко потянулась и тихо мяукнула. Я схватила ее и притянула к себе. Затаи-

лась сразу зараза и притихла... Бывшие дворовые коты всегда благодарные и добрые. В той жизни я не завела кота по той причине, что наслушалась историй о дорогих питомцах.

И то ли кошачье урчание убаюкало... снились мне петергофские белки, их мягкая шерстка и хитрые мордочки, а потом лес и ночная тропа в нем... страшная и красивая сразу.

Глава 4

Покормив утром ребенка и поменяв ему пеленки, я собрала их в ком и спустилась на первый этаж. На кухне суежилась Эльза, увидела меня и привычно приветствовала коротким книксеном. Даши не было видно.

- Нужна теплая вода. Хочу помыть малыша и выстирать пеленки.

- Сей минут, фрау Таис, несите его, налью тепленькой в корытце, - засуетилась женщина.

Голова болела немилосердно, глаза тоже... даже свет из окон их раздражал. И на душе тяжело. Нужно перетерпеть какое-то время, потом станет лучше – это понятно. Тогда и приму окончательно новую реальность, поищу в ней хорошее, а может даже найду его.

- Даша... где она?

- Во дворе, Фрау Таис, - не оглядываясь, присела опять Эльза.

Прислушавшись к ребенку... наверху пока было тихо, и шаркая подошвами, как старая бабка – с душевными куда-то девались и физические силы, щурясь на свет, я ступила за порог.

У дома на большом чемодане сидела Даша. Оглянувшись на звук открываемой двери, медленно сползла с него и, опустив голову, встала передо мной на колени...

И будто под колени эти меня саму ударили – рухнула. Думала - кризис уже случился. Что пускай постепенно, медленно, но дальше уже как-то выплыву.

- Господи, за что... за что ты меня – сюда?.. – затрясло меня опять. Сидя у порога, я выла, схватившись за голову, обливаясь слезами и сморкаясь в уписанную пеленку: - Что я такого сделала... плохого... за что мне это, Гос-споди-и-и? Почему сюда... за что-о?! Капельку... капельку счастья всего... грамочку, крохотку... за что ты... меня? Сдохла бы... лучше сдохла бы с концами... и все. Это ужас! Ужас, ужас...

На улучшение пошло только через неделю.

Лютый депрессняк, накрывший с головой, и казалось безо всякой перспективы на просветление – двигалась и говорила с трудом, ела через силу, пила тоже... в какое-то утро он отпустил. Проснулась и поняла, что в голове больше не напихано ваты, руки-ноги понемногу слушаются. В общем и целом, уже была в состоянии жить дальше.

Несколько дней вместе со мной страдал и ребенок. Или вредничал. Я пробовала свое молоко раньше и сейчас тоже - оно стало не таким сладким, приобретя едва уловимый солоноватый вкус. Это или что-то еще... но и животик малыша мучал. Любые разговоры о прикорме я пресекла на корню и оказалась права – вскоре все вошло в привычную колею.

Во время моего отсутствия, скажем так, им занималась Даша. Я только поворачивалась куда она велела, придерживая сосок... на этом мое участие в ребенке и заканчивалось.

Но вот я проснулась тем утром...

На улице было пасмурно, но будто не к дождю, а так... тучи тащились потихоньку, еще только набираясь своих дож-

девых сил. И тепло еще было, но уже не по-летнему, так что на плечи я накинула шаль и потихоньку пошла в сад. Присела рядом с Дашей на скамью, заглянув в корыто – укутанный, там спал мой ребенок. С коляской что-то надо было решать – не дело...

- Даша, я уже объясняла тебе и не раз, ты сама наблюда-ла нас - с Фредериком не настоящий брак. Он дал моему ре-бенку имя, а я, в свою очередь, помогла ему... и не в мень-шей мере, поверь, а то и больше. А Константин Николаевич очень знатный человек, я далеко не ровня ему. Вот так... а чувства у нас есть. У Фредерика тоже кто-то есть – женщи-на, и я вот позволила себе. Если ты продолжишь осуждать меня и всячески это показывать, то дальше мы не уживем-ся, Даша. Я благодарна тебе за все, но впереди у меня очень сложное время. Близким мне человеком ты не стала – разве Фредерику, его ты любишь. Так что... прислугу вместо тебя я всегда найду. И она не станет держать на меня зла... или обиды, хотя не представляю – чем я могла тебя обидеть? Мне и так плохо сейчас... так еще и твой молчаливый бунт. Это неприятно, это давит и только усугубит в дальнейшем мои трудности. И этот срыв тоже был из-за тебя, а еще когда-ни-будь... может случиться так, что ты со своей ненавистью ста-нешь последней каплей... чего доброго. Подумай хорошень-ко. Я не стану гнать тебя, но сама подумай – оно тебе надо?

Женщина рядом со мной вздохнула и еще сильнее, до по-беления сцепила руки на коленях.

- Грехи на вас... нельзя так, - просипела сдавленно.

- Да куда ж без них, раз мы живые люди? Ну... ни к чему новому мы не пришли, - встала я.

Даша подхватила тоже – быстро, нервно. Да на хрен сдаюсь! Горбатого могила исправит, так и будет тянуть из меня нервы.

- Грех дитё в себе травить, хуже и придумать нечего! – заговорила она быстро.

- Минута слабости случилась! - развернулась я к ней, - а ты – плевать вместо того, чтобы поддержать и поговорить. Ну да – какой там? Ты же каждое слово для меня с усилием из себя вытягиваешь. Да ты и до этого меня не любила. Твой долг маменьке, если он есть, я прощаю. Так что думай не о нем, а о себе – где тебе самой будет лучше. Жизнь одна, Даша, а ты человек свободный. Пожалей меня и себя тоже, реши уже что-нибудь.

- Позвольте с вами и барчуком остаться, барыня, - застыла она в низком поклоне. Невысокая, худая... дура! Господи, неужели это рабское в принципе неистребимо?

- Ну, раз меня до барыни повысили... никак не могу препятствовать, - и впрямь решила я ничего не менять.

Ребенка я доверяю ей безусловно, а остальное пусть идет, как идет. Включу тогда барыню – давно пора... вряд ли Даша посмела бы плюнуть в ноги маменьке.

Но согласись она тогда помочь, и я точно выпила бы... травки? Явно же есть специальные народные средства. Я где-

то слыхала только об акации - плод ею травили, но и мерли бывало тоже. Ядовитая штука. С рук Даши я бы приняла все, что угодно... несмотря ни на что, ей я доверяла.

Сейчас, хорошо уже подумав?

Как бы ни уговаривала я себя, но беременность эта очень невовремя. Я не восстановилась после прошлой, это подорвет здоровье... комплекс витаминов и минералов для беременных придумают лет эдак через полтора. И хорошо, если малыш родится здоровеньким, если меня на него хватит. Но и это не все - еще одна гирька... двое детей спутают меня по рукам и ногам. Какого-то просвета, выбора, более-менее светлой перспективы для себя я больше не видела.

И в будущем, боюсь, больше не подпущу здесь к себе мужчину, просто не смогу - чревато это. В самом прямом смысле. Даст Бог – выношу, отстреляюсь второй раз и больше ни-ни! И Костя тоже... он – тем более. Ко всем прочим прибавилась еще одна причина поджать хвост, не подставляясь больше течной сукой, сорвавшейся с цепи.

Я жалела. Сейчас я очень жалела, что так непродуманно подхватила небрежно брошенные мне судьбой крохи ворованного счастья.

О разговоре с Фредериком вообще думать было тошно.

Сев за стол, закусил кончик ручки. Начинать нужно с малого, расписав самые неотложные дела – привычка к краткосрочному планированию уже имелась, так не будем от нее отступать.

И почти целый день я писала, писала... план ближайших действий, письмо к маменьке, зондируя возможность переезда. Писала мадам Нессельроде – о возможном и очень скором экономическом и финансовом кризисе, связанном с акционированием строительства железных дорог. Писала Фредерику в Пруссию о том, что нужно встретиться и поговорить.

Через два дня ближе к обеду курьер доставил мне записку из Нового замка – меня требовал к себе Его величество Вильгельм. Ну что? Прочла... и стала готовиться к высочайшей аудиенции на завтра в шесть утра – ну, а как иначе?

Гадать о причинах и поводах этого вызова не было смысла. Бояться очередных неприятностей тоже. Больших, нежели уже имею на этот момент, я не предполагала.

Одеваясь с помощью Даши, я рассматривала себя в зеркале. Легкий загар спасал, а иначе выглядела бы совсем блекло – молочно-розовый цветущий оттенок, которым восхищался Костя, ушел с кожи. Пышущей здоровьем я больше не выглядела, но в принципе... бледность и легкая синева под глазами, похудевшее лицо с четко очерченными скулами делали внешность более аристократичной что ли?

С нарядом особо не заморачивалась – простое бархатное платье. Из украшений только серьги и фрейлинский шифр. С ним было чуточку спокойнее, хотя-я... даже присутствуй здесь Ольга, защитой она стала бы чисто символической – самодержавие здесь... автократия, диктатура... абсолютная

монархия, мать ее!

Карета из дворца прибыла минут за сорок до срока, так что пришлось подождать на тех банкетках второго этажа, где мы когда-то ждали аудиенции вдвоем с герром Людвигом. Воспоминание это вызвало грусть... было жаль его и жаль упущенного – возможно бесед с ним. Может он рассказал бы о российской кампании двенадцатого года... хотя кому нравится вспоминать поражения?

Присев в глубоком книксене, почти реверансе, я встретила появление короля и его спутников. Этих людей я не знала – двое мужчин в среднем возрасте выглядели скорее, как простые коммерсанты, нежели придворные.

Знакомить их со мной король не стал, только сделал пригласительный жест в сторону знакомой уже личной столовой, быстро окинув меня взглядом – от гладкой прически с пучком на затылке до края платья.

Промолчала и я, следуя куда велели. Перепады настроения у Его величества случались и ничего против них я не имела, отнеслась с пониманием – сама подвержена. Да и он живой человек.

- Сегодня у нас - Франция, - кратко прокомментировал Вильгельм уже накрытый стол. Как обычно, за завтраком королю не прислуживали.

- Умм... - глубокомысленно заметила я, обозревая угощение.

- Вы опять удивите нас своим аппетитом, фрау Гоген-

лоэ-Ингельфинген? – сухо поинтересовался король.

- Вы так это сказали, Ваше королевское величество... - пожалала я плечами, - будто когда-то я оставила вас голодным.

Дурацкая привычка возвращалась ко мне каждый раз, стоило приблизиться к этому человеку. Или же - каждый раз, когда он порол чушь. Вот так - нечаянно, прорывалось мое удивление этим фактом.

- Кх-мм... приступим, - пригласил король, кладя на расписанную золотом тарелку плоский кусок омлета, фаршированного жареными шампиньонами, прикрытыми его румяным краешком.

На свою белую, как снег, тарелку – градация, куда ж без нее?.. я смело положила омлет, хорошую горку салата Нисуаз в его аутентичной версии – ломтики помидора, перышки лука, анчоусы – все это заправлено оливковым маслом. Запах не отвратил, рыба с помидорами мне зашла.

Сразу принялась за еду, чтобы успеть. Завершили пир эклеры... здесь их называли "любовная косточка" - Liebesknochen, или "заячья лапа" - hasenpfote. Первое звучало лучше, но тоже – так себе... Ела я быстро, но аккуратно, не скрывая, что получаю удовольствие от еды. Когда король отложил салфетку, поблагодарила:

- Все было очень вкусно, но эклеры, это просто нечто!

- Попрошу вас в кабинет для разговора, фрау Гогенлоэ-Ингельфинген. Малый дамский стол велю накрыть с... эклерами, - чуть повысил он голос.

Уверена – кто должен был, тот услышал.

Мужчины в строгих черных сюртуках сразу удалились, поклонившись и поблагодарив хозяина за приглашение и вкусный завтрак. Мы же прошли в кабинет, где ничего не изменилось с тех пор, как я здесь была. Сев за свой стол, Вильгельм разрешил присесть и мне. Мы еще помолчали, будто он чего-то ждал... малого женского стола?

Дверь скрипнула, и я с любопытством оглянулась.

Небольшой столик на колесах, почти полностью скрытый снежно-белой скатеркой в пол и уставленный сладостями, катил... Густав, кажется – тот самый помощник Эльзы в Бад-Урахе, который колол дрова и носил воду за плату. А потом сопровождал нас в Штутгарт.

Оставив столик, мужчина коротко поклонился королю и молча удалился, не взглянув на меня. Ливрея, белые перчатки...

- Знала бы – взяла плату за проезд, - сказала я ему в спину.

Не ответил, только чуть шаг замедлил... вышел.

- Очевидно, дальше речь пойдет о морали, – повернулась я к королю.

Он постучал карандашом по столу, переводя взгляд на окно, а я потянулась к эклерам. С шоколадной помадкой еще не пробовала. Нервы требовалось зажать.

- Вы слишком дерзки, фрау Таис, слишком многое себе позволяете, - посмотрел он на меня.

- Нет. Я общаюсь с вами без подобострастия и благого-

вения, но с должной почтительностью и уважением к вашему возрасту и статусу. Что до настоящей причины нашего разговора... я уже написала мужу, жду его и обсуждать наши отношения стану только с ним. Я оступилась, но и он в Пруссии не чурается женщин. Со всем этим нужно что-то делать – согласна. Если у вас есть еще что-то сказать, Ваше величество, - путались мои мысли и язык, - я внимательно вас выслушаю, - тронула я теплой салфеткой губы. Пальцы дрожали, сердце будто взбесилось.

- Король здесь – я, - сухо заметил Вильгельм.

- Не отрицаю и не препятствую, - ответила я в том же тоне.

- Вы оба лгали мне. Не он отец вашего ребенка, - глухо звучал его голос.

Мой звенел негодованием:

- Ваш Фредерик – настоящий кобель! В Берлине у него баба... и не одна! Что-то такое я и подозревала - мужчина с такой внешностью неспособен на верность... но не устояла в свое время. Вот в чем единственная моя вина! Остальное... повторяю – дело семейное. Но если такой порядок вещей чужд вашему... впрочем – просто нормальному пониманию семьи... а он чужд! Я согласна на развод. Так бывает - браки не складываются по причине неоправдавшихся ожиданий. Даже в Бад-Урах дошли слухи о его похождениях!

- Он мужчина! – грохнул король кулаком по столу.

- Очень удобно! – дернулась я... и заплакала.

Не знаю... может с новым потоком слез выходил негатив

последних дней? То, что еще оставалось во мне? Все отчаяние неопределенности, весь страх перед этим человеком... перед будущим, что виделось уже не просто туманным, как раньше, но черной тучей повисло где-то там, впереди.

- Возьмите. И успокойтесь, - обошел мужчина вокруг стола и протянул мне шелковый носовой платок, обшитый кружевом.

Шмыгнув носом, я приложила к нему свой платочек и взглянув краем глаза... заинтересованно приняла в руки настоящий шедевр.

Игольчатая вышивка по основе. Выглядело не совсем как подарок Фредерика к рождению ребенка, но тоже похоже на парчовый шелк «брокат». Только вышивка шла не по ткани, а по кружеву, обнимая золотом отдельные детали узора. Но не совсем и кружево... или оно заходит на тканую основу? Золотистые цветы и листья на белом шелке смотрелись просто сказочно. Приложив платок к глазам, я уронила руку на колени – она все еще подрагивала, но я быстро успокаивалась. Точно - по приказу же!

Взглянула на короля.

Глядя куда-то сквозь меня, он заговорил... прозвучало с сожалением:

- Мы бываем неправы... - и сразу взгляд его опять стал острым и внимательным, - но и у вас также была связь на стороне – не отрицайте.

- Чтобы не умереть с горя. Я только узнала и мне было

ужасно одиноко, - усмехнулась я, только сейчас делая вывод: - А ведь вы заранее приставили ко мне соглядатая, Ваше величество. Уже знали о похождениях мужа или по какой-то иной причине? Не понимаю... Впрочем, он очень помог нам, благодарю вас.

- В таком случае, непременно отмечу его, - кивнул Вильгельм, возвращаясь за стол.

А я затаила дыхание... только сейчас и проведя аналогию – он тоже изменял своей Катрин, когда та вынашивала, рожала и восстанавливалась после родов. Застала его с французенкой и заболела с горя... умерла.

- Ваш любовник... - начал было король.

Но я невежливо перебила... позволяю – чего уж! Многое себе позволяю, но развивать эту тему опасно.

- Слишком сильно сказано, Ваше величество! Любовник... когда связь длительна, а здесь краткий эпизод - соотечественник, который сразу и убыл по своим делам. Я сожалею о своем поступке, хотя... мы с мужем теперь квиты?

- Идите. И помните - я не желаю более слышать ни о чем подобном с вашим участием. Вас приняли в Семью, фрау Гогенлоэ-Ингельфинген, и покрыть ее позором я не позволю, - встал Вильгельм, чтобы проводить меня: - Я слишком мягок с вами и излишне снисходителен, но каждый раз так не будет – помните об этом.

- Не будет другого раза, Ваше величество, - остановилась я, глядя на него с сомнением – говорить, не говорить?

- Слушаю вас?

- Это не мои наблюдения, но вы должны знать – герр Бисмарк, которого я считаю весьма способным к анализу, почему и рекомендовала его вам, поделился своими опасениями... Я старалась проверить его выводы, изучая газетные публикации, но мало понимаю в тонкостях экономики. Но он говорил так... - прикрыла я глаза, стараясь вспомнить дословно: - Рынок развернется от ни с чем не сравнимой бодрости до почти безнадежной депрессии. Причины? Когда продается в десять раз больше акций, чем их позволено выпустить... - и я пересказала все выводы, сделанные Бисмарком, закончив его же словами: - Правительства боятся ввести жесткие ограничительные меры для финансовых манипуляций с акциями, так как те могут привести к панике. Слишком много держателей – в последние годы железнодорожная мания крепко заполонила умы.

Вильгельм молча смотрел на меня.

- У меня неплохая память, - заверила я его.

- Возможно. Но речь о железнодорожном акционировании в крупных странах, не так ли?

- Бисмарк утверждал, что причин достаточно и кроме того – отток денег из прочего производства в железные дороги, неурожай последних двух лет и даже скорость перевозок имеет значение... и даже то, что этим летом неурожая не будет – все эти вещи взаимосвязаны, как и финансовая система Европы. Он предлагал мне вспомнить эти слова ближе к

концу года... «когда радужный пузырь лопнет». А лучше бы вам самому поговорить с ним, Ваше величество. Я недостаточно убедительна.

- Ступайте. И помните – вы повели себя непозволительно. И только то, что слухов не возникло - вы были достаточно осторожны... только это и спасло вас от моего гнева.

И память о Катрин – добавила я мысленно. Скорее всего, она тоже закатила скандал. Да не скорее, а точно. Нереально это - подбирать выражения и держать лицо в момент, когда сердце мотает в клочья. И тогда любая "особа" становится обычным человеком со своими нервами, страхами и трагедиями. Все мы люди.

- Моя осторожность просто случайность... не опытность в этом деле – поверьте. Я услышала вас, Ваше величество.

Кивнув куда-то в сторону, он поинтересовался уже нейтральным тоном, закрывая встречу или просто соблюдая формальность: - Не требуется ли вам какая-то помощь?

- Разрешите подумать над этим, - присела я в поклоне возле двери, - так сразу и не сообразить. Не хотелось бы беспокоить вас из-за мелочей.

- С просьбой можете обратиться после. И еще одно, фрау Таис... герр Бисмарк уже говорил со мной обо всем этом. Полагаю, это случилось еще до вашего с ним разговора. А Фредерик прибудет на днях. Теперь всё, ступайте, - приоткрыл дверь Вильгельм, выпуская меня и закрыл ее за мной. Послышался звук его шагов – король шел к своему креслу.

Присев здесь же, у дверей кабинета на банкетку – дальше по коридору сесть было негде... я безо всяких мыслей и сил устала на паркет, сжимая в руке носовой платок.

- Фрау Гогенлоэ-Ингельфинген чего-то желает? – неслышно подойдя, поинтересовался незнакомый лакей: - Возможно требуется проводить вас к выходу? Коляска ожидает.

- Его величество подал мне платок... я плакала. Не знаю теперь – вернуть или не стоит... беспокоить короля? Я только промокнула им глаза.

- Уверен – Его королевское величество уже позабыл о платке.

- Согласна с вами, - встала я и пошла к лестнице. Мимо плыли дворцовые интерьеры.

Завтра нужно было срочно делать патент на мясорубку – черт знает... как оно дальше пойдет? Финансовая подушка помягче не помешает. Зачем он следил за мной? Но про Костю не знает... в Бад-Урахе могли подслушать имя, но титул, фамилия или даже отчество не звучали. И в Штутгарте с визитом он не был, спешил ко мне...

Фредерик скоро будет здесь. Думать об этом сейчас не хотелось – как-то да решим.

Шаль, которую я поправляла, зацепилась за что-то... я осторожно убрала пуховую нить с шифра и пришло вдруг в голову... Звякнув колокольчиком, я подождала, когда кучер откроет окошко со своей стороны.

- Вы знаете где находится клиника доктора Земмельвейса? Ее патронирует Ее королевское высочество... отвезите меня туда, а уже оттуда - домой. Не задержу вас надолго, сама спешу.

Близко к тексту:

Глава 5

С доктором все оказалось просто – он без разговоров признал мое право на инспекцию клиники. Фрейлинский шифр, парадное по меркам этого места платье, уверенность в своем праве и кучер в дворцовой ливрее за моей спиной – все это легко сработало против умотанного работой врача.

Времени особо не было, и в этот раз я довольствовалась только разговором и краткой экскурсией по небольшой больнице. Здание старой постройки – камень и неровная штукатурка стен... что здесь было раньше? Вряд ли жилое помещение. Но на это время, оказалось, уже существовало такое понятие, как родильный зал, и рожениц из него уносили на руках (наблюдала это дело). Медицинский инструментарий хранился в закрытом чане с раствором хлора. Как часто меняли раствор и его насыщенность – вопрос... но смердело оттуда знатно. Специальной одежды у врачей не имелось, только фартук, похожий на мясницкий. Палаты здесь проветривались. В клинике на 48 коек (заполнены хорошо, если треть) имелось два врача и еще две женщины-помощницы, явно имеющие отношение к религии. Я судила по единообразным одеждам. Голубое хлопчатое платье и объемный белый фартук – еще ладно бы, но с их голов на спину спадали длинные покрывала, завязанные под подбородком на бант.

На вопрос о них доктор ответил подробно:

- Ее королевское высочество позволила мне набирать помощников на свое усмотрение, и я обратился за помощью к пастору Филднеру в Дюссельдорф. Союз диаконисс пользу-

ется неплохой известностью, я доволен их работой.

- Согласились переехать и так далеко? – удивилась я, - эти женщины на жаловании?

- Они бывшие заключенные и трудятся за кров и еду... я весьма доволен их работой, - осторожно повторил Земмельвейс.

Среднего роста, темноволосый, лет тридцати или чуть старше, по-немецки он говорил с заметным акцентом и заставил меня задуматься. Внешность этого мужчины - округлое светлое лицо, большие глаза и аккуратные небольшие усы... была приятной, но и будто смутно знакомой. Видеть его до этого я не могла.

- А ваша национальность, герр Земмельвейс?

- Мать швабка, отец серб... родился в Буде, - отчитался с коротким поклоном мужчина.

Славянин. И внешность южнославянская.

Он спешил, я тоже.

Информацию переваривала, уже сидя в карете – все короткое время существования клиники в ней продолжались смерти от родильной горячки. Их количество и процент от родов не был озвучен, а я в этот раз на подробностях не настаивала, но уже сам факт... Все говорило о том, что самый прогрессивный по слухам доктор этого времени так и не принял всех мер, предотвращающих сепсис у рожениц. То есть... устойчивой теории о причине его возникновения еще не существовало даже в его голове. Может только догадки.

Нет, я не была довольна этим спонтанным визитом.

Все было слишком серьезно и требовало осмысления и вдумчивого изучения. Как больничной отчетности, так и работы младшего персонала и врачей. А еще лучше бы лично понаблюдать ее денек или хотя бы полдня. Я планировала еще визит к Земмельвейсу, а, скорее всего, и не один.

Оставалось неясным – вспомнил ли доктор мое имя? Имя той, что на гормонах хамила ему в письме. Вел он себя приветливо, на вопросы отвечал с готовностью. Приятный человек.

Еще через день прибыл Фредерик.

И я соскучилась, наверное. Потому что, со страхом ожидая его приезда и неприятного разговора, вдруг обрадовалась, услышав знакомый голос. И помчалась вниз по лестнице. Запыхавшись, остановилась перед мужем, растерявшись на миг... обнять, сделать вежливый книксен?

В моей прихожей пахло поздним летом, ворвавшимся сюда вслед за улыбающимся мужчиной в дорожной одежде.

- Фредерик... сколько лет, сколько зим! – не удержавшись, легко обняла я его, сразу отстранившись.

Он и сам пах свежим воздухом. И чем-то еще... собой, наверное – молодым мужчиной. Приятно пах.

Все та же стрижка *a la Romanov*, красивое лицо с пшеничного цвета усами и модными баками, чуть навывкате большие голубые глаза и щеголеватая одежда из новенького. Я не помнила этой пары - серой в тонкую темную полосу.

Соскучилась конечно.

Муж улыбался, слишком внимательно, наверное, изучая мое лицо.

- Да вы никак узнали меня? – позволила я себе шутку.

- Упрекаете в долгом отсутствии? – притянул он мою руку для поцелуя.

- Служба для мужчин превыше всего. И надолго вы к нам?

- И все-таки вы обижены, – осторожно выпустил он мою руку.

- Дело не в этом, - посерьезнела я, - мы с вами мало похожи на семью. На днях король выразил сомнение по этому поводу и мне пришлось долго убеждать его в обратном. Со слезами, Фредерик... - и соплями, потому что я прокололась.

Радость от встречи быстро уступала место привычному уже беспокойству. Страшно было... я трусливо тянула время.

- Мойте руки и будем ужинать. Я будто знала... и ждала вас.

Следовало накормить мужика. Голодные, они, как правило, совсем... плохие. Я не знала – как сказать, с чего начать? Какими словами вообще?.. Стыдно! Было стыдно.

Подобие гуляша, тушеного с картошкой и солеными огурцами, в глотку не лезло. Я положила себе буквально пару ложек, а потом медленно и аккуратно выбирала ложечкой содержимое печеного яблока, ожидая, когда мужчина наестся. Вскоре на моей тарелочке осталась лишь оболочка, яблочная

шкурка... на нервах подташнивало.

- Фредерик, что заставило вас приехать – мое письмо или приказ Его величества? – вспомнилось кстати.

- Очевидно, с вашим письмом мы разминулись. Завтра рано утром мне велено явиться во дворец, - промокнув губы салфеткой, отложил ее муж: - Вам что-то известно об этом?

- Я уже говорила - король усомнился вдруг в подлинности нашего брака и даже в вашем отцовстве, - попыталась я улыбнуться, пряча глаза: - Плохо играем? Скорее всего, за вами в Берлине наблюдали, как и за мной в Бад-Урахе. Зачем это ему – ума не приложу. Почти все мужчины изменяют, и он сам тому пример. Но до нас с вами ему дело есть!

- Королю плевать... простите, Таис! - нервно тронул усы муж, - королю безразличны подобные вещи, но лжи в свой адрес он не терпит, воспринимая ее едва ли не предательством короны. Уличенные в ней все в списке его врагов. Что касается измен...

- Фредерик, те женщины в Берлине... Не подумайте, возможно, я даже... - начала я.

- Они - вынужденная мера! – перебил он меня, - вспомните... как-то вы видели меня у входа в ресторацию с дамой. Так вот... я только сопровождал ее туда. Но ваша ревность чуть позже подтолкнула меня к мысли... когда я уже знал – женщина способна по-мужски взволновать меня. Относительно вас у меня давно уже самые серьезные намерения, Таис, но... простите эти подробности – испытать свою состоя-

тельность или же несостоятельность я должен был не с вами.

- М-да-а?.. - едва шевельнулись пересохшие вдруг губы.

- Я сам себе не верю - обсуждаю с вами подобное. Но вы близкий мне человек и знаете обо мне все. Впрочем, нет – вам неизвестна причина ошибки, совершенной мною когда-то. Карл нуждался в этом... тогда он стал мне единственным другом, и я уступил ему - был безумно одинок, Таис, - смотрел мужчина будто сквозь меня, - и грязно оболган сослуживцами – в свете ходили слухи, не имеющие ничего общего с настоящим положением дел. Меня обвиняли в связях с мужчинами, но этого не было... еще не было. Не позволили отстоять свою честь на дуэли, и позже я подумал – а почему нет? Впрочем, женщины также меня не интересовали - я придавал им слишком много значения.

- А... это как? – уловила я противоречие.

Фредерик отстраненно усмехнулся. Или цинично. И я замерла, почти не веря глазам – никогда не видела его таким.

- То досье на Отто Бисмарка. Оно стало для меня настоящим откровением! Женщин изначально не следовало принимать всерьез, не следовало искать в них одобрения, опасаться их или же сравнивать... как сравнивал я со своей покойной матерью. Ими следует пользоваться и только. Как пользовались мои сослуживцы, а я ведь не понимал тогда... но теперь знаю – важен только человек. Симпатия, возникающая к отдельному человеку. Относиться как-то особенно к тем, кто носит юбки... право – не стоит. Этот факт априори

не делает их достойными уважения, а уж тем более – глупого поклонения.

- Вы отвлеклись... - тупо тормозила я, не представляя, как это все прекратить.

- Вы правы! Вы приятны мне, Таис, и в первую очередь, как человек, а это ведь главное. Тот разговор на острове – он все и решил для меня, полагаю. Вас я ценю и отношусь с уважением, а только подобное и способно пробудить что-то большее. Пока вы носили ребенка, я опасался удивить вас... возможно даже ошеломить предложением стать ближе, сделав наш брак настоящим. Кроме того, повторяю – мне нужно было увериться в том, что могу быть с женщиной.

- И как - уверились? Это всё чертов Бисмарк... не так ли?

- Верно! – будто даже обрадовался муж, - я отыскал Отто и не сказать, чтобы мы стали дружны, но теперь во многом я смотрю на мир его глазами. И на женщин прежде всего. Их было всего две, обе чисты – не сомневайтесь, - даже чуть подался он ко мне, уверенно глядя в глаза.

- Верю и рада за вас, но что это меняет? Фредерик... у нас же конкретный уговор!

- Это было до того, как я почувствовал в себе мужской отклик на вас, Таис – когда нес на руках меж карет, - встал он и подошел ко мне: - Ваша влюбленность в члена императорской семьи по меньшей мере наивна. Он ведь так же воспользовался вами. И речи о браке не шло, так как за именем для сына вы пришли ко мне. Верить в счастливое продолже-

ние этого мезальянса глупо, но вы были слишком молоды и неопытны. Неужели же до сих пор верите в подобную возможность? Ответьте – неужто вы настолько... глупы? – наклонившись, требовательно заглянул он мне в глаза, слегка встряхнув за плечи.

- Я еще глупее. Ничего не могу поделать... со своими чувствами, – сжалась я на стуле, осторожно убрав от себя его руки.

Мужчина сделал шаг назад. Потянул с себя шейный бант, бросив его на стул. Размял рукой шею...

- Простите. Но раз вы признаете свою глупость, это уже большой шаг к осознанию – там ничего не будет, вы только падете еще ниже.

- Чем... уже пала? – еле ворочался у меня во рту тяжелый язык.

- Это поразительно, - пристально смотрел он на меня, - вы вынуждаете меня спросить: Таис... вы действительно считали, что наличие внебрачного ребенка красило вас?

От возмущения в глазах просветлело.

- Нас обоих, Фредерик... обоих не красило! То, что заставило заключить этот союз. Не считаю... я так не считаю, но заметьте – ваши причины приняла с пониманием. Это жизнь и повернуть она может по-разному. Ваши обстоятельства, мои обстоятельства... плевать на них – сейчас нужно думать не о глупостях, а о том, что нам делать с королем! – медленно встала я безо всякой уверенности, что ноги меня

держат. Хотелось не то, что... а бежать отсюда без оглядки! Так, чтобы пятки сверкали.

Чувствовала я себя странно. Будто то, что происходит сейчас, происходит не со мной. Я, Фредерик - словно со стороны. Или сейчас проснусь.

- В случае чего, я просто уеду в Россию. А что будете делать вы, Фредерик? И на что, полагаете, он способен... раз так хорошо его знаете?

- Я *слишком* хорошо его знаю. А на что способен... да на многое, Таис! Вы поддана другого государства и, конечно же, вам позволено будет уехать, но только без ребенка. Он подданный Его величества, а еще он мой сын и никто не заставит меня признать обратное. Поэтому забудьте о том, чтобы увезти его, – почти выплюнул мне в лицо муж.

Я отшатнулась, сжимая кулаки.

- Но и это не все... - продолжил он, продышавшись: - На что способен дядюшка, хотите знать? Мне страшно представить, что когда-нибудь он уверится в нашей лжи. Не берусь гадать, чем это грозит мне. Впрочем... есть вновь обретенная репутация и громко расставаться с ней будет неприятно – это самое малое. Ваше слабое место - ребенок.

- Вильгельм не похож на монстра, к тому же кое-чем мне обязан, - держалась я.

Мужчина горько рассмеялся, глядя на меня с сожалением, нет – с оскорбительной жалостью, как на слабоумную.

- Он хуже... но вы правы – напрямую вредить ребенку

не станет. Но вот через пять лет... в Пруссии есть военная школа. Мне никто не мстил, как и отцу, но выжил там я чудом. Его величество категоричен в том, что военная служба единственная стезя для мужчин королевского рода. А поскольку иное в отношении вашего ребенка недоказуемо, это и будет военная школа. И, скорее всего, та самая – лучшая из лучших. Не голод, Таис... но есть хотелось всегда, а еще там было холодно. Но и это не самое страшное – там принято не замечать издевательств старших по возрасту над младшими. Офицеры-воспитатели ничего не предпринимают в связи с этим, полагая еще одним испытанием, способствующим становлению личности. Требуется или силой отстоять свою честь и достоинство, или же научиться приспособливаться, молча переживая жестокость. Я был мал и изнежен матерью, был слабым домашним ребенком. Она слишком любила меня... не любите своего сына слишком сильно, Таис – когда-нибудь это выйдет ему боком.

- Я уеду тайно, немедля, - дернулась я.

Мужчина скрипнул зубами, жестко обозначились скулы. Подавшись ко мне, медленно заговорил:

- Я не позволю вам наделать глупостей, подставив себя и меня под удар. Как и он не позволит нам ничего из того, что сам считает непозволительным. Я предлагаю вам настоящий брак... нет – я настаиваю на нем, как на единственной гарантии спокойствия и отсутствия любых угроз. Наш союз выгоден обоим, так пусть он продолжается. Уже не скажу, что

влюблен в вас – это в прошлом. Сейчас у меня к вам нечто иное, Таис – без глупых обид, ревности и самоуничтожения. И это новое крепче, больше... оно надолго, а может и навсегда. Решайтесь, я уже был с женщиной и не разочарую вас. Да и вам, полагаю, как и мне, не так важна близость, как доверие и защита. В вас я уверен.

- Напрасно, Фредерик, и очень напрасно, - проскрипела я и прокашлялась, отступая ближе к выходу из гостиной.

- Вам не стоит меня бояться, - спокойно заметил он, не двигаясь: - И разговор нужно закончить. Объяснитесь.

Я отчаянно мотнула головой, вдохнула...

- Так получилось, что у меня будет... Гос-споди! Фредерик, я опять жду ребенка! Не знаю... - в ужасе прикрыла я ладонью рот.

- Опять... не поняли, как это случилось? – криво усмехнулся он, отступая к столу и садясь на стул. Запрокинул голову, глядя в потолок и тихо засмеялся, быстро взглянув на меня:

- А вы плодовиты. Знал бы, что могу не успеть - не оставил бы так надолго.

Лицо горело, топил стыд. Я ненавидела его сейчас – его, не себя. Проклятое чувство вины! В голову пришло... и я выдала со злом:

- Не факт, что и вы не оставили детей где-то там, в Пруссии! Обвинить женщину проще простого, не так ли? Всегда она одна несет ответственность за содеянное двумя.

- Верно сказано. Но раз вы уже знали это, то, полагаю, это все та же... любовь? И что – этому отпрыску Романовых я также должен дать свое имя?

- Я уеду. Тихо разведемся и я уеду, исчезну, - прохрипела я, держась за горло. Побаливало, как во время ангины.

- Но только без сына, Таис, без сына... Своего сына я вам не отдам. А кто даст имя ребенку там, куда вы уедете? Даже если любовь меж вами настолько сильна и взаимна... И действительно случится отречение и ваше венчание с Константином Николаевичем... подобное уже было, не так ли? Но по законам Российской империи... и не только - дети от морганатического брака не имеют права носить родовое имя мужа и отца. Не имеют права пользоваться его титулом и гербом. Ваш ребенок никогда не будет принят в семью, он станет ее позором и только.

Я выдохнула, разочарованно покачав головой.

- Не ожидала от вас жестокости, Фредерик, только не от вас... впрочем, вы от меня – еще меньше, - вернулась я за стол – ноги не держали.

Села и положила руки перед собой, сцепив пальцы до боли. Нужно было успокоиться... и не получалось гадство!

- Зачем нам общая постель, объясните? Это какое-то издевательство... Все может продолжаться в том же духе. Других мужчин больше не будет – обещаю вам.

- Что мне ваши обещания, Таис? Они ничего не стоят, – вздохнул Фредерик, глядя в пол: - Тот раз – осенью... вы

также были с ним?

- Да, - безнадежно кивнула я.

- Благодарю, - качнул он головой в ответ.

- За что именно? – вскинулась я.

- Вы предали наши клятвы первой. А то, знаете ли... пускай и не слишком... но совестью в Берлине я мучался. А вы?

А у меня совести вообще нет похоже. Я качнула головой и заговорила, стараясь быть убедительной. Я же права!

- Простите меня! Я поступила недостойно. Но все может стать еще хуже. Мы всё испортим, Фредерик, и будет безумно жаль... и вот этого тоже – разговоров по душам, такого доверия, как сейчас, несмотря ни на что – этого больше не будет! Меня не мучала совесть... я никого не предавала. Клятвы небу, - взглянула я в потолок, - по сути, формальность, если их так легко нарушают... я, вы и большинство мужчин, женщины... Наш с вами устный договор не предполагал верности и как обстоят дела у вас с Карлом, я не знала. Собственно, жизнь на два дома и была придумана мной для вашего удобства... женщины, мужчины ли – вы имели право на личную жизнь. Мне... нам она больше для души нужна, но для мужчин это вопрос здоровья. Давайте останемся хорошими друзьями? Уезжая потом, я оставляю вам этот дом и не только, - с надеждой уставилась я на него, - зачем все портить, зачем нам постель? Мне придется заставлять себя, но и это не самое страшное – вы разрушите мою личность, Фредерик... вина перед тем человеком сожрет меня. Он уверен

во мне, верен мне!

- Все дело как раз в этом, - ровно ответил он, глядя отстраненно и даже холодно: - После нашей «постели», как вы говорите... меж вами и Романовым будет покончено, без сомнения. Он не простит, вы не смолчите... могли ведь не признаться и мне сейчас, но не стали – полагаю, это связано с уважением... частичку его я все же заслуживаю? А уж когда речь о любви... вы признаетесь ему, и у нас с вами появится время. Не обещаю, что стану любить его детей, но никогда их не обижу и сделаю для них в будущем все возможное. Вы действительно ждете ребенка, это так? Уверены?

- К сожалению, - комкала я в кулаке ткань домашнего платья, - нет, я хотела сказать...

- Что очень не ко времени, что – сложности... От этого любить меньше своего ребенка вы не станете. Вы просто оговорились и боитесь навредить ему даже словом... Я понимаю вас и приму его, дам свое имя – обещаю, - запустив руку в короткие волосы, Фредерик резко сжал их и даже дернул, будто заставляя себя выйти из транса. Заговорил резче, решительнее:

- Завтра я иду воевать за нас, Таис, за будущее вашего сына в том числе... детей. Это будет трудно, страх перед ним меня... вот здесь, - прижал он кулак к сердцу, - и мне не стыдно признаться в этом. Трудно чувствовать себя вечно зависимым от чужого произвола, почти беспомощным перед ним, и поэтому... мне нужны гарантии. Сегодня я останусь

в этом доме и буду ждать вас в постели. И вы придете, Таис, потому что речь идет о ваших детях. Наших. Я не отдам вам своих детей – меня не поймут... или сразу *всё* поймут. Мы с вами потеряем то, ради чего, собственно, всё и затеяно... но и это не так страшно – знавал я времена и похуже. Главное - я потеряю вас, а этого очень не хотелось бы. Не беспокойтесь, я не стану требовать от вас страсти. Вам придется *заставить себя потерпеть меня* – так мы подпишем своего рода договор. Почти кровью, - усмехнулся грустно, - давно следовало предложить вам это? – задумался.

Я тоже усмехнулась, чуть приходя в себя. Забавно... давно следовало, значит?

- А я пыталась! Но вы так дернулись... будто на вас кинулась змея! Тогда, здесь – я тронула ваши волосы, тоже подумала – а вдруг?..

Фредерик задумчиво повторил тот мой жест, провел рукой по светлым бакенбардам... Бесил!

- Вероятно, тогда я еще не был готов, не был уверен в себе. Простите, если разочаровал... и прикажите согреть для меня воды. Хочу помыться с дороги. Ганс внес мои вещи, я подниму их наверх... экипаж верну завтра.

- Делайте, как сочтете нужным... позовите ко мне Эльзу, - слепо выводила я пальцем узоры на столе... и вспомнила: - Пойдите! Король знает... за мной наблюдал его человек в Бад-Урахе. Не имя моего... но сам факт - он знал, а я отрицать не стала - как месть вам... сорвалась - за Берлин. Это

уже развод, Фредерик.

- Отнюдь. А то, что он что-то знает, подразумевалось само собой, Таис, - удивился муж, - неужели вы полагаете, что мои... эпизоды в Берлине, даже знай он о них, послужили бы поводом ко всей этой... суете? А вот то, что за вами наблюдали... Что именно пробудило его сомнения в нас с вами?

- Ничего. Совсем ничего... - пыталась я вспомнить и не находила причин.

Дав необходимые распоряжения, попыталась сосредоточиться и найти хоть какой-то выход. Фредерик не идиот... обязательно прислушается, если прозвучит разумно.

Но ничего подходящего в голову не шло, думать не получалось, опять голову забила вата и чувство - я с трудом сквозь нее продираюсь. Злиться тоже не получалось и в принципе... в принципе, я могла бы переступить через себя. Когда выбора нет – могла бы, если один раз... и забыть. Смогла бы я забыть? Я из будущего, а там к сексу относятся проще. Фредерик не противен мне и уверена – будет нежен. Насильник по сути... он будет нежен со мной.

Костя... допустим, я потяну здесь время... как-то смогу. И напишу ему. Он велел известить, если вдруг ребенок? Извещу. И что? Он только с дороги... сорвется опять со службы – для чего? На развенчание муж не согласится – ясно дал понять. Миром решить вопрос не получится, а значит будет скандал, а, чего доброго, и дуэль. В России они запрещены, здесь же продолжает существовать дуэльный кодекс и даже

дуэльные комиссии... мать их! И даже если обойдется без драки... я представила всю эту суету, грязь, скандал... Позор для Кости и его семьи... для меня и детей. Для Фредерика... несмотря на его тупой сволочизм... подобного и для него не хотелось бы.

Нет, на огласку Костя не пойдет. Но что-то обязательно предпримет, а там неизвестно еще как сложится.

И нельзя ставить его перед таким выбором.

Отречение от престола, война с родителями, скандал на весь мир – ради чего, зачем? Ради бурной химической реакции? Гормоны отыграют свое, первая эйфория схлынет и включится мозг. Станет трезво оценивать плюсы и минусы... да все это мной уже сто раз передумано!

Я хорошо изучала эту эпоху и не помнила ни одного счастливого продолжения в случае мезальянса. По разным причинам, но всё рушилось раньше или позже. Разве что Константин Павлович и графиня Груздинская... и если Костя руководствуется этим примером, то совершенно напрасно. Последствия были и там, и последствия нехорошие – нарушение принципов сословного наследования и подрыв принципов государственного устройства вызвали смуту и дали повод к восстанию. Не говоря уже о расколе в семье... Костя жалел бы потом, обязательно жалел. Но и не только это... за державу обидно, конечно, но речь идет о моих детях. По закону Фредерик действительно имеет полное право не отдавать их мне.

И то ли усталость, то ли тихое отчаяние... но сил не осталось.

С кухни слышался голос мужа... говорок Эльзы.

Даша металась внизу, готовя барину ванну - тащила простыню, полотенца, мыло с цветочным ароматом...

Я тихо поднялась в ее комнату – вчера мы опять перетаскивали сюда детскую кроватку.

Димка... Димитрий махал ручками, пытаясь дотянуться до яркой погремушки. Засмеялся и загулил, увидев меня. Я наклонилась и глубоко втянула в себя воздух, целуя нежную пахучую щечку. Уговаривая, осторожно отцепила крохотные пальчики, ухватившие мои волосы. Привычно уже сунула руку под попку, пробуя пеленку.

Смотрела, любуясь - моя единственная стабильность и неизменность, моя крохотная константа. Моя любимая гирька... И какая, по сути, разница – от кого он рожден?

***В качестве иллюстрации

Глава 6 Фредерик

Мимо неспешно проплывали дома Штутгарта, надежно стянутые узорами из балок мореного дерева. Гулкая утренняя тишина тесного переулка вскоре сменилась грохотом экипажей и повозок, стоило карете миновать Королевские ворота. Шум Нижней Кёнигштрассе ударил в уши и все продолжался - мучительный и непрерывный. Виной тому неравномерная структура мостовой или несовершенство колес и рессор... но сегодня этот шум, безжалостно наполняющий каждое утро центр города, Фредерик выносил с трудом – болела голова.

Не спал этой ночью вовсе и, бреясь, выглядел в зеркале соответственно – будто всю ночь его истязали, искусно не оставив на теле следов пыток. Чувствовал себя так же – измученным душевно, сил придавала только уверенность в своей правоте.

Вчерашним вечером Таис ждала его в своей спальне, одетая только в ночную сорочку. Стояла у окна и выглядела потерянной и опустошенной, усталой, как загнанный хищниками зверек. Услышав его, подалась навстречу. Взгляд светился надеждой. Сбиваясь, она опять заговорила, пытаясь убедить, и он терпеливо выслушал очередную глупость, начиная всерьез сомневаться в пресловутой разумности жены.

Нет, глупой она не была, но по какой-то причине будто не хотела понимать. Женщина, она жила своими эмоциями и чувствами, когда требовалось просто сесть и хорошо подумать.

Не понимала всей серьезности того, что случилось, хотя, кажется, объяснил он достаточно убедительно. Был слишком мягок? Скорее всего. С ней он всегда был излишне мягок. И опять она приняла это за слабость, позволяющую не принимать его во внимание.

Никто и никогда не узнает, чего стоило ему сдержаться и держаться потом, *мягко* объясняя ей свою правду – единственную на самом деле. Помогла выдержка, которой он учился всю жизнь, но разочарование в этой женщине было просто ошеломительным. А она хотела оставить все, как есть.

И опять говорила, говорила что-то, стоя у залитого лунным светом окна...

- Моя жена не будет романовской шлюхой, - тихо отрезал он, пресекая еще один виток выяснения отношений.

- Ах вот как вы меня видите?! - вспыхнула она.

- Подскажите тогда, как видите себя вы сами, - нейтрально предложил он.

- Зачем вы так? Я же понимаю - сейчас речь пойдет о том, что... что позволено Юпитеру, не позволено быку?

- Так и есть... увлекаетесь творчеством Эйфендорфа? Но вы же умны, Таис, и должны понимать причину того, почему эта фраза пришла вам на ум. Все дело в разности последствий для мужчины и женщины. Разве вы не предполагали их, предаваясь... своей любви? Или же он их не предполагал? Так уверены были, что, в случае чего, я все проглочу?

Ах, нет – обо мне вы и вовсе тогда не думали, просто забыв о моем существовании. И что? Расхлебывать все равно мне! Первая ваша ошибка объяснима - неопытность, но они всё продолжают, Таис! И далее будут продолжаться, потому что вы видите во мне лишь удобную ширму, да и ту не опасаетесь замарать. Но вот вы доигрались и уже знает король... возможно, и кто-то еще. Поэтому сегодня мы с вами станем настоящими мужем и женой, а завтра вы напишете об этом Романову. Тогда я сделал вас честной женщиной - для общества и заставлю оставаться ею в его глазах – для себя, для вас, для наших детей.

- Ну, а вы? Вы же...

- Не сравнивайте! И прекратите уже это... вы будто с ума сошли, равняя нас во всем. И даже - пускай... Но я давно уже признал главную свою ошибку, встал на путь исправления и продолжаю его. Постепенно, поэтапно... я пришел к тому, чтобы остепениться и стать более уверенным в себе. В том числе, Таис... полгода почти каждый день брал уроки пистолетной стрельбы у Отто Бисмарка. И мне плевать... пред тем, что уготовили мне вы с Романовым, дуэль с ним станет лучшим выходом из... как вы говорите – «создавшегося положения»? Но это не я его создал! Я честно выполнял условия нашего уговора, - подошел он к окну и быстро окинул взглядом спящий сад и чистое от ночных облаков небо: - Тушите свечи, они ни к чему – ночь достаточно светла.

- Там полнолуние, - дрожащим голосом подтвердила она,

- я просто не верю, Фредерик... я не узнаю вас. Всегда есть другой выход... их всегда минимум - два. Давайте останемся друзьями, давайте поищем его вместе!

- А давайте! – сдернул он с себя рубашку и отшвырнул ее, оставаясь в одних кальсонах.

Прошел мимо жены и лег в постель, закинув руки за голову.

- Согласен! Попрошу завтра у дядюшки разрешения на развод, расписав в красках, насколько противны вы мне после всего. Это сработает. Он мужчина, муж - поймет. Причиной развенчания станет ваша измена – а что еще, если король о ней уже знает? Вы были неосторожны... Но даже прояви я сочувствие к вам, как к матери... Вильгельм *никогда не отдаст* принца Димитрия Гогенлоэ-Ингельфинген падшей женщине. А дальше вы с позором уберетесь из Вюртемберга, как когда-то с позором убрались бы рожать в родительское поместье, если бы не я... Заметьте – я при этом всего-то продолжал бы прежнюю жизнь. Не выгода – сочувствие заставило меня тогда помочь вам. И сейчас тоже вы вернетесь к матери с позором... а иначе уже никак нельзя! Повторюсь – вы сами вызвали эту ситуацию, забыв о всяких приличиях!

- Хватит! Хватит уже измываться, Фредерик... я не хочу развода! Можно оставаться в браке и...

- ... продолжать делать ошибки? Вы уже лгали мне, ни во что не ставите мою репутацию и когда Романов в очередной раз снизойдет до вас, не устоите – это понятно. Вы не умеете

учиться на своих ошибках... так бывает. И я помогу вам в этом. То, на чем я настаиваю, случится быстро - почти формальность... но насилия и я не приемлю. Принимайте решение сейчас – семья или развод, времени нет... всего несколько часов на решение. Воевать стоит только за своё, это я уже понял. И костями лягу за своё, но только своё – не романовскую...

- Шлюху? – глухо предположила она.

- Придумайте другое слово, которым вас назовут в обществе и подумайте - нужны ли будете после Романову? Кроме всего, вы фрейлина Ее королевского высочества – позор падет и на нее. А всё приличия, Таис... вы нарушили все возможные и неважно уже – с кем. Но я не вижу в вас плохого, вы неправы... потому как знаю вас. Вы любите первой любовью и, вероятно, очень сильно... потому, полагаю, сами не прекратите этого никогда, просто не сможете.

- И как же тогда... как вы себе это представляете? – вдруг тихо рассмеялась она, - после оскорблений, после тона, которым вы со мной говорите? На что вы сейчас рассчитываете, Фредерик?

- На вашу разумность и благодарность потом, после – когда поймете, что я вас не оскорблял. А защитил в очередной раз. И что другого выхода у меня просто нет. Не тяните время, Таис... его совсем мало у нас. Не уверен, кстати, станет ли молчать прислуга. Так что хотя бы ночь в одной постели необходима, раз вы ждете ребенка.

- Прощу только... не срывайте на мне злость, - затушив свечу пальцами, шагнула она к постели.

- А вот вы плохо меня знаете. Вы слишком дороги мне, чтобы не оставить нам в дальнейшем и шанса...

Вначале он просто лежал рядом, обнимая жену и дав успокоиться ее дыханию. Прижимал к сердцу, давая ей услышать его волнение. Поцеловал волосы, висок... Ему нужен был малейший отклик, ничтожный, пускай даже едва заметный. Потому что да - и не представлял, и не рассчитывал... не уверен был, что сможет и способен... выставив условием, практически сделав ультиматум. Без ее желания и согласия.

Если сравнить позор общественный, что однозначно предстоял бы в будущем, потому что она продолжит изменять – без сомнения... и то, чем он станет чувствовать себя, беспардонно, безо всякого согласия взяв женщину... выхода всегда два? Сейчас он не видел ни одного.

Но, тихо вздохнув, она обняла его в ответ, и сразу – внутреннее ликование! Радость оттого, что не омерзителен после всего, или... не настолько омерзителен? Что хотя бы понимает. И что-то еще малообъяснимое - неважно... все это придало уверенности и решимости.

Их близость была короткой – слишком долго ждал, слишком давно желал ее. Таис не протестовала и не плакала, осталась потом лежать в его объятьях, на его плече. Тихо дышала... близкая, теплая и пахнущая яблоками и молоком. Наверное, и он теперь пах им, потому что, ощутив на себе лип-

кую влагу, замер. Но потом понял...

- Пора кормить... ребенка?

- Нет, Даша позовет, когда... - и он опять приник щекой к полной от молока груди.

Может потому и тянул с решением... раньше казалось, что нужно подождать, когда ее тело избавится от напоминания о том - другом. Но вот - материнское молоко... оно ведь тоже?.. Но неприятия в связи с этим не возникло, только стал еще осторожнее.

А в какой-то момент она провела рукой по его волосам... ласково или жалеючи? Неважно.

Отто был прав... понимал он в очередной раз - нельзя давать женщине власть над собой. Потому что она может стать безграничной и даже порабошающей. Простое движение по сути... ничего для нее не значащее, скорее всего, вдруг наполнило его ощущением немислимого счастья. Огромное, яркое, светлое... оно переполняло и рвалось изнутри, не находя выхода в словах - боялся вспугнуть. Громко дышать и то боялся. Как-то иначе тоже... страшился сделать что-то не так.

- Отдыхайте, Таис...

Потом, кажется, понял, что так она показала, что принимает его условия, согласилась с ним - без радости, но хотя бы с пониманием. А ощущение счастья незаметно перетекло в спокойную решимость и уверенность, что сможет защитить свою женщину и свою семью.

Но если бы на этом все и закончилось! Ему достаточно было даже этих крох. И еще надежды – у них появилось время.

Но в дверь тихо стукнули...

- Это же Дашша? - приподнялся он на локте.

- Да, мне пора. Спи.

Еще какое-то время он так и сяк ворочал в себе это «спи». Спать не получалось. Нужно было дождаться ее и уточнить – она сознательно... или случайно перешла на «ты»? Близость сама собой предполагает подобное? Его родители всегда были на «вы». В России или... может быть и везде подобное принято? И насколько обязательно? Знак чего? Хорошо это или плохо для него – пытался понять.

Таис не возвращалась уже довольно долго, и он встал, натянул подштанники и вышел из спальни, вступив в домашние туфли из коричневой замши. Мягкие и без каблука, они давали ступать тихо, почти неслышно. Чуть приотворив соседнюю дверь, он заглянул туда – Дашша в одиночестве тихо напевала что-то, ритмично касаясь ладонью пеленки, укутавшей малыша лишь наполовину. Вверху он был одет в мягкую кофточку и уже спал, раскинув поднятые кверху ручки.

- Спит? – шагнул он ближе, рассматривая крохотное личико.

Непонятно на кого похож, слишком мал... да и важно ли?

- Где Таис? – поинтересовался у замершей молча няньки.

- Внизу? До ветру должно сошла...

Поняв только первое слово, Фредерик додумал сам и решил вернуться в кровать, но странные звуки с первого этажа заставили насторожиться и прислушаться. Плачет... рыдает? Нет – скорее это была какая-то мелодия.

Спустившись вниз по лестнице, он прислонился спиной к стене возле двери в гостиную и прислушался. Рассохшиеся от времени створки прилегали друг к другу недостаточно плотно – следовало учесть это на будущее... поэтому давали расслышать и слова, и будто даже... легкий топот, скрип половиц?

- шальная императрица! И... страна берет с тебя пример. Легко влюбиться императрице, когда так страстно... бирюзовым взглядом... смотрит офицер-р! – выводила Таяс, - ах... младший лейтенант! Мальчик молодой! Все хотят потанцевать с тобо-о-ой..... Оуу! Полковнику никто-о... не пише-ет, полковника никто не жде-е-от!..

Затем последовал тихий хмык. Без слез, без любых признаков женской истерики. Или же она была внутренней, тихой и поддавалась контролю. Но обязательно должна была как-то выплеснуться и точно требовала уединения. Что-то подобное хоть раз испытывал, наверное, каждый. И он тоже.

Фредерик опустил на стул...

- Подари мне, Санта, антидепрессанты... антидепрессанты подари мне, Санта...

Очевидно, русский язык он знал еще недостаточно хорошо.

И, поднимаясь потом по лестнице, казалось, тащил на себе всю тяжесть мира.

Все то хорошее, что успел испытать этой ночью – вспышка счастья, мимолетная радость, надежда... все пошло прахом. Из того, что там было сейчас, понял одно – ей *очень* плохо. Чего уж... следовало признать - принуждение было. Но она... не он! Это она сделала это принуждение более мягким и терпимым, а может и возможным вообще. Понимала ли это сама? Вряд ли... Скорее, видела в нем чудовище, способное на все, что угодно и постаралась как-то сгладить... интуитивно, по-женски - все равно же им пришлось бы как-то сосуществовать рядом.

Дождался ее возвращения в постель, отвернувшись к стене. Когда темнота за окном сменилась предутренней серостью, осторожно перебрался на край кровати и встал с нее. Таис спала. Или делала вид, что спит. От нее пахло вином... или ему показалось.

Ганс подъехал вовремя, а дальше они ехали по утреннему Штутгарту.

Фредерик нервничал и злился. На грохот экипажей по брусчатке и оглушительные крики зазывал-торговцев на Шиллерплац... на в десятки раз усилившийся стук конских копыт и дребезжание кареты на Дворцовой, где гуляло эхо... на настырную головную боль и короля тоже. На себя, в конце концов!

После традиционного завтрака, к которому он почти не

прикоснулся, только много пил, монарх жестом пригласил его в свой кабинет. Следом вошли двое в черном, незнакомых ему ранее по службе или дворцу.

- Герр Бронхарт и герр Шлиц, - кратко представил король мужчин племяннику, - у них есть ряд вопросов к тебе, Фредерик. Я разрешаю ответить на них и даже настаиваю на этом.

Племянник кивнул.

- Внимательно слушаю вас, господа.

- Герр принц... не показалось ли вам что-либо странным в поведении вашей супруги? – глухо, будто бы сорванным когда-то голосом, поинтересовался один из мужчин.

Фредерик задумался...

- Что-либо? Слабо сказано... когда в ней странно все, – и усмехнулся ядовито, - к примеру, кинжал под подушкой. Вернувшись из Пруссии, этой ночью я его обнаружил.

- Зачем ей кинжал? – завис король.

- Боялась оставаться в доме одна? Прислуга приходящая, кроме разве русской няньки. Я позабочусь об этом.

- Можно взглянуть на это оружие?

- Там ничего особенного, – удивился племянник, - русский морской кортик, память об отце. И потом - я *позволил* ей продолжать в том же духе, раз ей так спокойнее.

- Но... грабят на дорогах, не в городе. И что – она стала бы отбиваться кинжалом?

- Она русская, откуда мне знать? - пожал плечами Фре-

дерик, вызвав жест раздражения у короля: - Нет, мать ее из прусских Тромменау, но воспитание... воспитание! Еще странности от Таис? У нее всего пять парадных платьев... нет личной горничной, только нянька... каждый день она таскает ребенка в сад, и он проводит там едва ли не весь день... она любит математику и знает ее лучше нотной грамоты. А еще она не любит комплиментов, не умеет их принимать.

- Ваша жена хороша собой, – осторожно то ли предположил, то ли резюмировал второй мужчина. У этого был приятный вкрадчивый баритон.

- После родов стала нравиться мне гораздо больше, - подумав, согласился муж: - Ранее была слишком худа, но мила – не отнять. И мне нравятся ее песни. А вам, Ваше величество?

- Недурны, - кратко подтвердил Вильгельм.

- Что еще?... – задумался Фредерик, - главная странность – она не стремится ко Двору, хотя возможность такая имеется. И еще – купила ужасный дом... я навещаю ее там, но постоянно жить в той тесноте невозможно.

- А причина?

- Могу только догадываться. Полагаю... виной тому длительное обучение в Институте благородных девиц в Санкт-Петербурге. Кажется, двенадцать лет и без права выхода все эти годы. Огромные помещения классов, залов, спален и даже коридоров – по ее рассказам... Совместно с бытовыми

и дисциплинарными невзгодами периода обучения все это могло заставить ее искать противоположностей. Здесь противоположность полнейшая... вы видели этот дом, Ваше величество.

- Согласен, там тесно. Но довольно мило, - опять пришлось признать королю.

- Все, что связано с Таис, мило, - кивнул Фредерик, - наш сын также весьма мил, но еще слишком мал.

- А особенные способности вашей жены... возможно – к провидению?

- Так... – медленно встал Фредерик, - Ваше величество... с какой стати я должен отвечать на вопросы посторонних о делах семьи, имеющей отношение к королевскому дому? Полагаю, подобные вещи должно обсуждать лишь в семейном кругу. Но вы приказали, и я отвечу на любой вопрос... но только если он разумный. О каком, черт возьми, предвидении идет речь?!

- Провидении, - поправил его баритон, - оно всегда либо божественной, либо дьявольской природы.

- Выйдите, господа... ненадолго, - велел Вильгельм.

Когда дверь за мужчинами закрылась, рывкнул племяннику:

- Сядь! Возможно и зря я их позвал... Но мне, представь, действительно довелось слышать, как она уверенно говорит о будущем, будто хорошо знает его.

- Что именно? Любопытно, – заинтересованно потянулся

к нему Фредерик, - вы хорошо знаете их язык? Признаться, вчера она что-то пела, но я ни черта не понял! Было неприятно. До этого был уверен, что достаточно хорошо знаю русский. Вы также... из-за этого так расстроились?

- В том-то и дело... я чувствовал себя странно, будто пребывая под гипнозом. Твоя Таис имеет странное влияние на меня... почти магическое. Что у вас с ней сейчас?

- Всю эту ночь я работал над тем, чтобы у нас появился второй... и такой же милый ребенок, - расстроенно прошептал Фредерик, пряча взгляд: - Чтобы ей было чем заняться, кроме предвидения.

- Провидения! Это разные вещи в конце концов!

- Чтобы не стало времени на то и другое!

- Ты чем-то расстроен?

- Мы повздорили... она провинилась и наказана.

- Как именно... и за что?

- За дело, Ваше величество. А как? Достаточно. Я буду просить о возвращении меня на службу в Штутгарт хотя бы до тех пор, пока она опять не понесет. А далее я опять в полном вашем распоряжении. Кажется, речь шла о посольстве во Франции?

- Иди... — дождавшись, когда племянник подойдет к двери, король применил излюбленный свой прием — неожиданность: - Мне доложили... я знаю в чем провинность твоей жены. Это Бад-Урах, не так ли?

Фредерик замер и обернулся, побледнев:

- И насколько широко разошлась новость... мне уже стоит писать прошение на развенчание? Она призналась сама, стояла на коленях и молила о прощении... опухла от слез. Так что скажете, Ваше величество – развод? – сжалось все внутри в страхе ожидания.

- Ты хочешь его? К вашему сыну питает слабость Ее высочество... до следующей твоей женитьбы он всяко будет присмотрен.

- Нет, не хочу. Таис небезнадежна и все еще интересна мне. Но и вы мне, как отец теперь – я обязательно прислушаюсь к вашему решению.

- Тогда иди и делай детей, - вздохнул король, - новость не разошлась, знаю лишь я, сынок. Ступай, вы ужасно расстроили меня. Она и ты тоже, - махнул он рукой, отходя к окну.

- Простите... - прикрыл за собой дверь Фредерик и обвел расстроенным взглядом помещение – оба в черном встали и опять похоже ожидали приглашения к королю. Склонились перед принцем в коротком поклоне, тот кивнул в ответ.

По паркету шаги раздавались гулко и нагло, но мужчина не сдерживал шаг. В груди как собралось комом, так и не отпускало. Расправив плечи, он быстро спускался по парадной лестнице... кивал кому-то и думал, вспоминал... Вспомнил наконец! И тихо чертыхнулся, растерянно обводя взглядом совсем недавно отвоеванное у пыльного плаца пространство Дворцовой площади... Бросилась в глаза Юбилейная колонна, установленная в честь 25-летия правления Вильгельма.

Свою карету обнаружил чуть в стороне от нее. Быстрее было подойти самому...

Дома сразу же увидел Таис, застав на кухне – та давала распоряжения по ужину. Спокойно обернулась к нему и так же спокойно поинтересовалась:

- Как вы относитесь к запеченной на углях речной рыбе?
- Прекрасно. Прошу вас в гостиную... кстати – она легко прослушивается. Дверь рассохлась.

- Мои люди не подслушивают.
- Могут случайно услышать не предназначенное для их ушей, а потом либо нечаянно проговориться об этом... либо сознаться под давлением.

- Кому это? – наконец взглянула на него жена.
- Вами по какой-то причине заинтересовались адепты Гёрреса. Есть такой мистик от католичества, к счастью, обосновавшийся не в Вюртемберге. Он весьма влиятелен, но, скорее всего, о нем вы не знаете.

- Иоганн Йозеф Гёррес... отчего же? Наслышана о нем от духовника Ольги Николаевны. Древний старик, живет в Мюнхене. А вот само учение помню смутно, - призналась Таис.

- Лучше бы вам вспомнить, где и когда занимались прорицательством... то есть – провидением. Король вас услышал и, как я понимаю, слегка этим напуган. Или даже не слегка... впечатление получилось сильным, раз вызвал ворон. Что поделать – с годами растет и мнительность. И, в связи с этим,

простите, Таис... но в вашем доме я задержусь, - решительно заявил Фредерик.

И он, и она старательно держали тон, выражение лиц и, в общем и целом, у обоих это получалось – делать отстраненный вид. Будто ничего и не было.

А может и не было... для него так точно – ничего из того, чем следовало гордиться или чему можно бы порадоваться или даже просто вспомнить, не травя себе душу. А для нее? Чем это было для нее? Почудился ему ночью запах вина или нет? И тот нервический приступ, странные песни...

- Я говорил с ним. Как мог, мешая правду с ложью. Играл. Насколько удачно – посмотрим. Но сейчас мы в безопасности... наверное. Следует быть осторожными, Вильгельм непредсказуем, но... пока что живем, как жили, - поделился он сомнениями, глядя в женское лицо почти заискивающе. Одернул себя, отворачиваясь.

- Звучит, как план – живем, как жили, - донеслось отстраненно, - я принесу вам сейчас письмо к Константину Николаевичу... проверьте текст и отправьте.

- Да будет вам! – рыкнул зло, - сами и отправляйте... я отъеду ненадолго

Бежать отсюда! Он чувствовал себя полностью выпотрошенным какими-то десятью минутами разговора.

- Нет. На конверте ваше имя, опечатайте своей печатью. Мне нельзя туда писать, - спокойно объяснила женщина, уходя наверх: - Жду вас к ужину.

Хотелось сказать, чтобы не ждала. А еще - выспаться, отдохнуть в своем доме. Но жить придется здесь. Во всяком случае, пока не прояснится ситуация с воронами. Хотя вряд ли там что-то действительно серьезное.

- Буду.

А пока можно было съездить и действительно - выспаться. Потому что думалось и то с трудом. Плохо было... одиночество, растерянность, беспомощность – все это вернулось и ощущалось почти, как в детстве, когда его оторвали от матери.

Нужен был сон, возможно все дело в этом.

И опять стучали по брусчатке конские копыта, вбивая в голову гвозди.

Права Таис... все ушло, ничего даже из тех крох не осталось. Стало ли ему спокойнее? Безусловно. Лучше? Точно нет.

Глава 7

Всегда ненавидела скандалы. Не знаю, с чем даже сравнить... но всё во мне противилось выяснению отношений методом обоюдных оскорблений и ора вместо того, чтобы цивилизованно донести свою точку зрения до оппонента разумным словом и убедить его таким образом в своей правоте.

Сейчас я не смогла ни того, ни другого. Скандалить не умела, а права не была.

Такой Фредерик... он был невыносим и будто даже немного опасен, но, что самое страшное - совершенно прав. Во всем, кроме разве отношения ко мне Кости. И еще одно выяснилось – я клинический тормоз, раз до сих пор так и не приняла для себя здешних реалий целиком и полностью.

Сегодня меня окунули в них с головой.

Нет здесь гендерного равенства и быть не может. Это в наше время тест ДНК даст четкий ответ. Здесь же супруг имеет полное право требовать верности от жены, соблюдая или не соблюдая ее сам, по одной простой причине – она призвана продолжить *его* род и часто это единственная ее обязанность. Отсюда и череда «приличий», тонко регулирующих поведение в том числе женщин высшего общества – к ним они особенно безжалостны.

Понятия этих норм с пеленок вырезаются на подкорке гувернантками-мозгоклюйками, а если требуется, то и закрепляются розгами. И, конечно, наглядным примером служит поведение родственников и не только...

Восходя на эшафот уже в рубище, обритая наголо и босая, Мария-Антуанетта нечаянно наступила кому-то на ногу.

- Ах, месье... простите, я не хотела этого!

В виду гильотины, при виде которой даже мужчины порой теряли сознание, королева проявила вежливость. И вряд ли это пример неслыханного самообладания. Скорее всего, на автомате сработало вложенное в голову с детства и реагировать на конфуз иначе она просто не могла.

Гувернанток у меня не было, но я же все это знала! Так почему не примерила на себя?

И что нет у нас с Костей будущего, тоже знала, но опять Фредерик прав – сама покончить с этим не смогла бы.

И факт, что совсем не считалась с человеком, давшим моему ребенку свое имя, считая себя умнее, успешнее и лучше него.

И еще об одном я забыла: если не решил проблему сразу, нельзя ковырять ее бесконечно, станет только хуже – правило, установленное сестрой в своей семье. В результате нарвалась на грубость. Все уже было сказано, но нет же – «наша песня хороша...»

Его требование...

Стеснение и неловкость ерунда, от этого еще никто не умирал. И к сексу я относилась просто, как многие в мое время - как к способу. Зачать ребенка, получить удовольствие, стать ближе к любимому человеку... Использовать пьяного в стельку мужика (господь отвел) – способ расстаться с за-

лежалой девственностью. И способ перезаключения нового договора с мужем не был для меня всемирной трагедией.

Если бы не Костя.

Мне в сто раз легче было сказать Фредерику об очередном приплоде, чем представить Константина Николаевича, радостно спешащего в уединенное место, чтобы прочесть долгожданное письмо. Перед глазами стояло - вот он поспешно разрезает конверт... обязательно специальным ножом, а как иначе? Разворачивает лист, вдыхая его запах и впивается жадным взглядом в строки, с улыбкой узнавая корявый почерк... Но постепенно радость уходит с его лица, оно делается жестким и даже суровым. И неверие... и ошеломленное понимание потом... обида, боль, страдание. Разочарование, презрение, брезгливость?

Я пережила бы. Страшнее было ранить его, сознательно причинив боль, когда там и так не все в порядке. Он не рассказывал, но я же понимала, видела.

Костя или дети? Да вроде как... и вопрос не вопрос.

Ничего неприятного в нашей с Фредериком близости не было. Чистый запах другого мужчины, его касания, дыхание – трудное, потом тихое, спокойное. Как и обещал, он не стал затягивать - и правда почти формальность. И его нежность ко мне... она примиряла и даже трогала.

И вместе с тем что-то тихо ломалось во мне. И сломалось.

Психика сложная штука. В какой момент рванет – бог знает. Я и не надеялась, что все будет легко. Так и случилось -

чуть с опозданием, но откат грянул.

Это что-то мимо разума. Что-то из далеких глубин сознания и не поддающееся контролю – болезненное зудящее беспокойство или даже страх, ломка, как у наркомана. Или алкоголика – пришло на миг в голову. И тут я поняла... если сейчас не выпью, сдохну. Всего бокал. И не водки же? Я наливала вино трясущимися руками, проливая его и захлебываясь слюной. Жадно пила потом мелкими глотками – как антидот, как спасение.

В голову ударило сразу, пробило, как кувалдой. А дальше фестиваль в голове... Кажется, переводится, как «веселый, праздничный»? Я и праздновала. И черт знает что именно, но ощущение это – скорой, немедленной гибели... оно ушло. Вместо него рисовался страх, что алкоголь навредит детям и он набирал силу, вытесняя другие-прочие переживания.

Поднималась наверх, цепляясь за перила. С одного-то бокала. В постели с трудом согрелась. И спала, не спала... сон, не сон, но утром я встала сразу вслед за мужем. Встала быстро, с ребенком это уже привычка и... закружилась голова, потемнело в глазах... шлепнувшись обратно на кровать, я часто задышала носом, унимая тошноту.

Второй раз вставала осторожно. Постояла у окна, глядя вдаль и прислушиваясь. Дождавшись отъезда экипажа, спустилась попить воды, что-то еще кинула в рот... и села писать письмо.

Покончив с ним, устало прикрыла воспаленные глаза,

горько усмехнувшись – все-таки не смогла... рука не поднялась. Не получалось у меня рвать в ошметки, чтобы жестко и даже жестоко... а по сути, милосердно – сразу и полностью освободив от себя. Полная определенность всегда предпочтительнее и особенно это касается мужчин. Для себя я тоже выбрала бы ее.

А с Костей поступила по сучьи – пожалела его.

Ни слова не написала о прошлой ночи – только то, что узнал Вильгельм и был с ним разговор... и передо мной встал выбор – позорная свобода или ребенок и семейная жизнь. И что вариантов нет, да и в принципе их у нас не было. Что наша история прекрасна и никогда не закончится во мне, да только на кону репутация. Сына, мужа, моя и Ольге Николаевне тоже в случае чего досталось бы. Что в первую очередь я мать. Просила больше не писать и вроде действительно рассталась, бросила... но не обидно, а как бы... вынужденно, что ли? С сожалением между строк и амурами в сердце.

Но это гадство и все, на что я оказалась способна. А не понравится ему, пусть дописывает сам. Я - пас!

А тут еще и Даша... встала на пороге.

- Кормить пора? Сейчас подойду...

- Вы повыли бы, что ли, барыня... лишнее сразу и уйдет.

А то, как бы внутрь не пошло... нельзя в себе запирать.

- Иди себе, Даша, иди! Благодарность тебе за заботу, но я уж тут... как-нибудь, - психанула я. Ну и разревелась понятно. Вернее, завыла, как и рекомендовали.

Выла ей в живот, цепляясь, как за соломинку, а она обнимала меня, что-то бормотала... из всего затуманенный мозг в какой-то момент выхватил слово «барин».

Барин... Продрав глаза, я взглянула на часы и засобиравшись, зашпешила – причесываться, одеваться, умываться ледяной водой. Подступала очередная паническая волна – что делать, что говорить, как держаться после всего?

Плеснув в лицо раз десять, усмехнулась – как... да так - с достоинством! А там посмотрим.

Достоинство далось трудно. Какое на хрен... и откуда?! Если со вчерашнего дня в голове каша.

Но, наверное, он все понял и подыграл. И опять давило в груди, подбираясь к горлу и глазам... Вспомнилось некстати, как жался ко мне ночью – как бездомный котенок, выпрашивая крохи ласки. Взрослый мужик... замер и боялся дышать под моими пальцами, молча напрашиваясь уже не на секс – отнюдь, а на каплю тепла. Щедро делился своим.

Да что ж такое?! И я ответила резко, почти нахамила, сбегала... Дура.

Хотя, в принципе, неплохо и справилась со своими переживаниями, достаточно быстро. Но окончательно мозги встали на место во время ужина.

С появлением Фредерика в нашем доме женщины мои оживились. О Даше молчу, но и Эльза засуетилась с удвоенной силой, стараясь готовить не просто еду, но даже некие изыски.

Швабы, насколько я уже знала, особенно любили супы, за что и заслужили прозвище «суповые швабы». Вот и в этот раз Эльза не ограничилась запеченным в травах голубым сигом с Боденского озера, но и сготовила сытный и надо сказать – до этого вполне привечаемый мною суп под неаппетитным названием «кислая требуха».

Кишки для него можно было купить уже «белыми», то есть очищенными, вымоченными и даже отваренными. Их резали тонкими полосками, тушили в мучной пассеровке и в конце приправляли уксусом. Съедобно, вполне... но оказалось – не сейчас, не в моем состоянии.

Даже смотреть, с каким аппетитом Фредерик поглощает это блюдо, было не по себе. Но самый капец настал, когда Эльза подала десерт – мои любимые яблоки в кляре, апфелькюхле, обжаренные во фритюре. В это время излишки масла не убирали, выложив на бумажное полотенце... кроме того, в этот раз кляр Эльза сделала несладким и на пиве. По желанию можно было присыпать яблочные кружочки сахарной пудрой... я так и сделала, но вкус пива с жиром забил всё.

До Дашиного закутка добежать я успела – помнила, что там всегда стоит ведро для отходов при готовке травяных отваров, настоев, растираний и кремов.

Вернувшись потом за стол, извинилась:

- Простите. Сутки без свежего воздуха – возможно из-за этого... со страхом вспоминаю позднюю осень и зиму. Неделями сидеть в доме... сырость, туман, - забалтывала я откоро-

венную неловкость.

Помолчав, Фредерик тихо спросил, кашлянув:

- А как вы... относитесь к Франции? В Париже туманы не так часты. Этой осенью меня ждут в нашем посольстве. И если выехать в ближайшее время, вы перенесете дорогу гораздо легче. Да и расстояния несоизмеримы. Хотите в Париж, Таис? Мы снимем дом в Сен-Жерменском предместье. Или же квартал Шоссе-д-Антен... он соседствует с Большими бульварами и имеет репутацию шумного царства богатства и моды. Впрочем, у нас дети и Сен-Жермен все же... - рассуждал он, соблазняя меня Парижем.

А я замерла, вылупив на него глаза и медленно замерзая внутри. До этого все казалось еще далеким, еще не совсем реальным – почему-то, но вот сейчас...

Франция, Париж, 48 год, февраль - со скоростью калейдоскопа сменялись у меня в голове кадры: разобранная брусчатка, баррикады, кровь, голодная ярость, грабежи и насилие... Все то же, что и в 1789-м и 1830-м, только с более широким применением огнестрельного оружия – очередная французская революция. Французы всегда были склонны к анархии, она у них в крови. Хлеба не надо, дай только повоевать, выпить и погулять! Но и не только это... на этот раз причин для революции более, чем достаточно.

- Откажитесь от работы во Франции, Фредерик, - комкала я в руках салфетку, - прошу вас... очень вас прошу.

- Невозможно, Таис. Все уже решено и отказываться нет

причин. К тому же это хорошая, выгодная должность. Мне оказано доверие...

- Да черт возьми, - прошипела я, - мы же семья с вами, мы же уже семья! Вы нужны мне, не уезжайте. Пожалуйста! Я больше не смогу одна, Фредерик, я не готова вас терять!

- Зачем же терять? – взволнованно всматривался он в мое лицо, - едемте вместе. Это возможно и даже желательно.

- Не рассматривается! – отвернулась я.

При мысли... представив, что с ним что-то случится, а может и самое плохое, внутренности скрутило узлом. Я прикрыла веки и часто задышала носом, паникуя... Не готова, не хочу, не могу больше терять. Ни за что!

- Эльза, выйди на кухню пожалуйста, - сквозь зубы попросила я кухарку, испуганно замершую в дверях гостиной и прячущую руки под фартуком.

- Фредерик... - собралась я с духом, когда она прикрыла за собой дверь. И вспомнила о ненадежности этого помещения, что оно прослушивается: - Мне нужно сказать вам... пойдете в спальню, это очень важный разговор.

- Вам нужно прийти в себя – испарина... Позвать Дашшу, Таис? Давайте отложим на потом, - встав со своего места, подошел он ко мне со спины и положил руки на плечи, заглядывая сбоку в лицо.

Я ухватилась за них, сжала его пальцы. Наверное, нужно было испугаться вот так – почти до усрачки... чтобы понять, что моя личная катастрофа не что иное, как песчинка в

масштабе того, что будет происходить в течении следующих двух лет.

Я не знала где искать нору, чтобы забиться в нее с детьми. Не представляла, что делать, останься я одна, без мужа. Его полгода не было рядом, но он всегда подразумевался. Да, я могла забыть о нем и не вспоминать неделями, но всегда знала – Фредерик есть, он обязательно впряжется и поможет, случись вдруг полный аллес. Как я без него? Кто я без него, когда начнется вся эта вакханалия? А она же начнется.

- Пойдемте, нужно... я настаиваю.

- Пойдемте. Позвольте, я подстрахую вас на лестнице – вы бледны, Таис, - поддержал он меня под руку.

- Обязательно. Я точно сейчас... не в форме, - бормотала я, соображая с чего начать.

- Порой вы так странно выражаетесь, - улыбался он, - но мне нравится.

- И об этом тоже... - пообещала я.

Заглянув к Даше и Диме, я поняла, что время на подумать у меня есть – она собирала малыша на прогулку. Фредерик вызвался помочь. Я сидела и думала...

Не было у меня выхода.

Да и устала я... а стану уставать еще больше. Не уверена, что потяну сама, что справлюсь.

В Россию нельзя, там еще непонятно что с холерой, да и кто меня отпустит? Вести оттуда ползли, как улитки. Вюртемберг также вдохнет революционных миазмов от Фран-

ции. Спрятаться в том домике в глухом Бад-Урахе? Но Фредерик уедет и кто станет охранять трех баб, кому мы нужны охранять нас - даже в мирное время? Разве королевскому шпиону, но Вильгельму точно будет не до меня.

Вернувшись в спальню, муж чуть задержался у порога, но потом решительно прошел и сел рядом со мной.

Я страшный трус – понимала я. Ни разу не воин, ни разу не стоик. Я трус и я боюсь... и уже вполне себе определилась – чего все-таки боюсь больше.

Неловкость прошлой ночи ушла, я переосмыслила приоритеты. Взяв ладонь мужа в свои... неожиданно это придало ощущения безопасности, я прикрыла глаза. Сама себе сейчас казалась ничтожной, маленькой и слабой. Он – почти все-сильным. Решившись окончательно, я заговорила. Простыми, рубленными энциклопедическими фразами:

- Четырнадцатого февраля следующего года во Франции случится очередная революция... Предпосылкой для нее станет политика Луи-Филиппа, сделавшего ставку на власть банкиров... Экономический кризис поздней осени этого года ударит по всем слоям общества, но для рабочих он станет вдвойне невыносим, так как наступит на фоне голода, вызванного неурожаем прошлого года и картофельной болезнью. В городах Европы... и Франции также в этом году цены на продовольствие подскочили вдвое, кое-где дело дошло до голодных бунтов с разгромом хлебных лавок. А бунты эти, понятно, подавлялись войсками. А еще кризис ста-

нет причиной массовой безработицы... На этом фоне оргия зарвавшейся и потерявшей всякий страх олигархии банкиров и коррупционеров покажется людям совсем уж... станет вдвойне невыносимой.

- Таис, стойте! - сжал он мои ладони, накрыв их второй рукой: - Это же то самое...

- Но и это еще не все, - не слушала я его, - события во Франции станут искрой, воспламенившей либеральные восстания во многих государствах Европы, в особенности в странах Германского союза и Вюртемберге в том числе...

- Таис, прекратите немедленно! - развернув к себе, встряхнул он меня за плечи.

Договаривала я, уже глядя ему в глаза:

- ... а также в Италии и Венгрии, восставшей против власти Австрии. Кроме буржуазно-демократических призывов и возрастающей популярности коммунистических лозунгов, в странах за пределами Франции цели революций будут связаны с набирающими силу национально-освободительными движениями. Инициатива Франции окажется заразной, как болезнь... это будет общеевропейское восстание, и в будущем оно получит имя «весны народов». Беспорядки продлятся два года. Не уезжайте, не бросайте нас, Фредерик... Христа ради не бросайте! Димка, Настенька...

Париж 1848 года

Глава 8

- Я предлагал вам Париж. Похоже на то, что я вас бросаю? – встав, подошел он к окну: - А теперь объясните – зачем вы все это говорили? Нет, звучит стройно... в духе прочего здравомыслия и логики, кои вы не раз выказывали. Но дата, Таис? Четырнадцатое февраля. Вы так в ней уверены? Французы не делают революций зимой, - усмехнулся.

- Благодарю вас, Фредерик.

- За что?

- Я отвечу по порядку – благодарность за то, что не оставите. Мне нужны хотя бы относительное спокойствие и уверенность в завтрашнем дне, потому что сама я нестабильна и причин тому тьма, - выдохнула я, не отрывая взгляда от его лица: - Теперь о дате – нет, я уже не совсем уверена. Четырнадцатое, двадцатое... но это случится. Теперь – почему я рассказала вам? Вы полагаете, это те пророчества, которыми интересовались адепты Гёрреса, и я демонстрирую свои способности? Нет. Просто я тоже умею бить словом и ставить ультиматумы, и я сделаю это, но вначале... вначале хочу, чтобы вы запомнили – я очень люблю вас и переживаю, что в Париже с вами случится что-то нехорошее. Люблю, как брата, друга, защитника и даже сообщника... но не так, как вы хотите и заслуживаете.

- Вот даже как... - хмыкнул он, рассматривая мое лицо с вызывающим интересом.

- Неприятно, но выслушайте. Я была честной женщиной, Фредерик, потому что знала только одного мужчину, шлю-

хой меня сделали вы, консумировав брак. Но я не обвиняю вас, так вы и правда помогли мне прекратить запретные отношения. Но при этом еще и закрыли свой... завершили ситуацию, довели ее до логического финала. Я поняла вас и приняла это, но близости у нас больше не будет. У меня ни с кем ее не будет, только не оставьте меня своим покровительством хотя бы пока не рожу. Почему-то чувствую, что так легко и просто, как первый раз, не будет и... страшновато, знаете ли, - попыталась я улыбнуться, - на днях буквально я поняла, что природа все же дала мне материнский инстинкт – я очень хочу этого ребенка... очень хочу дочку.

- И даже имя есть... потому, что ребенок этот – его! Меня осчастливить детьми вы не желаете. И даже где-то в далеком будущем, – зло съязвил он.

- Помните, что я очень люблю вас, Фредерик, вы дороги мне... Нет, потому что этот ребенок - мой. Как и Димитрий, он будет воспитан в бесконечном уважении к своему отцу – к вам. Я могла бы родить вам детей, но не в этом же дело! В вас огромная потребность в любви и как же я хочу, чтоб вы ее нашли!

- Не нуждаюсь в вашей жалости! – отрезал муж.

- Зря. Хорошее чувство, если оно о небезразличии и сопереживании. Но без нежности, Фредерик. Ночью я поняла, что не смогу... не получается у меня!

- С вами я не был так жесток, - медленно произнес он, пристально глядя мне в глаза.

- Да ладно! – восхитилась я, - ну, как скажете. И не спешите судить меня. Я тоже не сразу признала вашу правоту. Сейчас всё, как вы хотели – я порвала с Романовым, правда сделаю это в два этапа... не смогла, не получилось сразу.

- А меня жалеть необязательно, - прозвучало задумчиво.

- Вы же не хотите жалости! Но я выполнила ваше требование.

- Звучит, как свершение или подвиг, - горько хмыкнул муж, - все оказалось так плохо?

- Нет, Фредерик... я вспомнила, как когда-то и сама что-то такое планировала и подумала – а вдруг и правда у нас получится? Дело не в том, как было в постели... прекрасно все было, и не в вас – просто потом я почувствовала себя шлюхой. Давайте останемся на время семьей, но не как муж и жена, а как брат и сестра... я всегда прикрою ваши тылы, а вы мои. И ищите женщину, ищите свою женщину! Вас легко полюбить, вы замечательный – заботливый, умный, красивый... но не мой.

- Благодарю, - шутовски поклонился он и сразу потух, сник: - Ну... по крайней мере, вы честны со мной.

- И всегда буду. Поэтому еще одно... ужасно боюсь вашей реакции!

- И опять вы изъясняетесь странно, - тяжело опустился он в кресло и прикрыл глаза. А я тихонечко выдохнула – хороший знак. Невербалика... сейчас она о том, что человек чуть расслабился, выдохнул...

Бывает лечение через боль, но врачи всегда стараются ее купировать. Фредерик рядом, и у меня есть такая возможность – купировать, смягчить ее. Искренность, убеждение, поступки... есть время и возможность показать, как дорог он мне и я докажу это сейчас или со временем.

А Костя далеко.

У нас – там... расставание через сообщение считалось особо циничным и жестоким. Я солидарна с этим, поэтому тоже постаралась купировать его боль... рубила хвост частями? Или все-таки проявила милосердие, оставив кроху надежды, но заставив сомневаться и потихоньку привыкать к мысли? Без понятия, как надо и как лучше. Но мне показалось – так ему будет чуточку легче.

Причины я указала убедительные, но он же не смирится сразу, потребует еще объяснений, и тогда я отвечу еще убедительнее. Или согласится, потому что и сам понимает все сложности. Да и зачем ему неадекватная психованная стерва? Я же весь мозг ему сожру!

Мои песчинки... мои проблемы меркли, конечно, перед революциями и кризисами, но я должна их прожить. И желательно с минимальными потерями для себя и остальных участников этих проблем. Энергозатратный процесс, не надорваться бы...

- Иногда я изъясняюсь странно, согласна... Адепты, Фредерик. О чем вы с ними говорили, что они сказали?

Муж открыл глаза и отвел взгляд, вспоминая...

- Их интересовали ваши странности, и в моем объяснении они выглядели крайне невинно. Говорили, что такая способность, как у вас, есть или божественный, или дьявольский произвол. Подумайте, где король мог слышать вас... в некоторые помещения дворца встроены слуховые трубы.

- Я подумаю, благодарю вас... Чей-то произвол? Скорее, наука. Наш Ломоносов сформулировал «всеобщий естественный закон», известный, как закон сохранения материи. Кратко – если в одном месте убудет, то в другом обязательно прибудет. Есть простой пример: сколько часов мы затрачиваем на сон, столько же отнимаем у бодрствования. Вы изучали естественные науки, должны знать – Юнг ввел термин «энергия». Как и закон сохранения материи, закон ее сохранения на это время уже практически доказан рядом ученых.

- Изучал... и рад, что в Институте благородных девиц настолько ответственно подходят к преподаванию естественных наук. Но нельзя ли сразу к предмету, Таис? Вы заходите слишком издали, - недовольно проворчал муж.

И все-таки он уже не растекался вяло по креслу, выглядел сейчас собранным и внимательным.

- Мы с Иваном Ивановичем Базаровым, духовником Ее высочества пришли к выводу, что закон сохранения энергии вполне себе относится и к нашей душе. Изначально данная Господом, она живет вечно и после смерти одного человека со временем возрождается в другом. Со мной Господь поступил совсем уж хитро... - печально улыбнулась я и спокойно

изложила историю своей души. Все то же, что и Базарову – без подробностей о Таинной беременности и личных отношениях. Мазками, вскользь... пусть думает, что оба ребенка от Романова.

- ... В той жизни я изучала историю искусства, но оно неразделимо с историей общества – государств, народов. У меня замечательная память, Фредерик и я многое помню об этом... уже нашем с вами периоде истории. Но не подробно, не в мелочах – профессионально смогу судить лишь об искусстве, да и то в основном изобразительном, декоративно-прикладном и архитектуре. Ампи́р, бидермайер, русский стиль, народные промыслы... Но основные вехи истории мне знакомы. Я знала о будущем голоде из-за болезни картофеля и предупредила о нем Вильгельма. Я знаю причины возникновения холеры и сделала все, чтобы в России узнали, как с ней бороться. И не только холера... я знаю причину возникновения многих болезней, причину массовых смертей от ран и при родах. И могла бы научить людей избегать этого. Знаю лекарство, могущее излечить почти все...

- Синяя плесень, - кивнув, напряженно произнес Фредерик.

- Она. Но я не сумею извлечь чистый препарат химическим путем. Меня такому не учили. И политические процессы... есть способы исключить самые ужасные из них, но только те, предпосылки к которым еще только закладываются. К примеру, Французскую революцию уже не предотвра-

тить. Буржуа, ограбленные коррупционерами через акционирование железнодорожных компаний, обязательно поведут за собой голодные рабочие массы. Луи-Филипп не сделал ничего для того, чтобы защитить акционеров, пошел на поводу у банкиров... Мне не спасти весь мир, Фредерик! Способы есть, но нет возможностей. Оставим Францию французам. О Вюртемберге знаю одно – Карл и Ольга должны были жить в доме, подаренном вам Вильгельмом, и революционно настроенная толпа штурмовала его...

- Сейчас вы уже бредите, - прошептал муж.

- Если бы. С моим появлением здесь что-то уже меняется и это дает надежду, что хоть что-то, но я могу. К примеру, спасти вас, Фредерик. И доверилась я вам потому, что не могу молчать – во Франции будет опасно, откажитесь от должности.

Мужчина смотрел на меня с веселым... веселым! интересом. Развел руками:

- Не могу! Таис, вы женщина... вы слишком женщина, несмотря на свой ум и знания! И я верю вам, представьте себе! Несмотря на всю... абсурдность и дикость вашего рассказа, я верю, потому что... хочу верить. Но подумайте сами - а если бы я не снял форму и вдруг война? Это моя профессия, мой долг и избегать его преступно.

- Вы нужны здесь и не только мне! – рявкнула я, - с моими знаниями... в Бадене будет плохо, очень плохо, там вспыхнет настоящая революция - кровавая, герцога низложат. Ав-

стро-венгерская война... вы прославитесь, мы с вами проду-
маем ходы, аргументы...

- И все же лучше молчите обо всем этом, Таис. Мои воз-
можности не так далеко ушли от ваших. И не с моей исто-
рией претендовать на то, чтобы стать авторитетом для Виль-
гельма. Он терпит меня, пока я послушен и предсказуем, все
прочее вызовет только его гнев. И я уже не так сильно бо-
юсь его... не подумайте, просто результата не будет. И вы
также очень дороги мне, поэтому лучше молчите, Таис! Про-
сто молчите и больше ни с кем не обсуждайте подобные ве-
щи.

- Германии объединятся, Фредерик, и сделает это
Бисмарк.

Он запрокинул лицо к потолку и рассмеялся.

- Отто... и в этом я верю вам, Таис – кто, если не он? Вы
что - и это намерены предотвратить?

- Железом и кровью пройдет это объединение. И, кроме
того, приведет в будущем к миллионным жертвам... Трид-
цать, нет – шестьдесят миллионов и даже больше погибших
во второй мировой войне. Я не говорю уже о первой – кто их
считал? А все потому, что Германия почувствует себя слиш-
ком сильной, способной выступить даже против России. Но
все эти жертвы, и с ее стороны тоже, будут напрасны – Ве-
ликого рейха, который строил Отто, не будет, потому что он
сам создаст предпосылки к его краху... Так стоит ли мне
молчать, Фредерик?! – сжимала я кулаки до побеления паль-

цев.

- И в чем же эти предпосылки, Таис? – спокойно поинтересовался он.

- Он рассорился с Россией, счел возможным диктовать ей. И это стало началом конца, все посыпалось... привело в итоге к первой, а потом и второй мировой войнам. Огнестрельное оружие к тому времени значительно усовершенствовало... сразу скажу – в этом я не сильна, помочь ничем не смогу. Миллионные жертвы, Фредерик! Войны, болезни! И я. Которую никто не станет слушать... не слышит, поэтому приходится заходить как-бы невзначай, издалека... строить из себя местного гения. Песни, кстати, также не мои – они из того времени, как и странные, пока еще не принятые в это время выражения и слова. Переспрашивайте о них, если что-то не поняли... Пожалуй, это и все. У меня все. Дальше решать вам.

Мы долго сидели молча. Уже стемнело и убывающее полнолуние больше не разгоняло сгущающуюся тьму – на Штутгарт напоздали тучи. Настоящие осенние, судя по всему. Да и время уже.

- Не знаю, что сказать... - отозвался наконец мужчина, - Базаров, говорите? С ним я поговорил бы.

- Русская церковь в его лице верит мне. Но и ему нужны доказательства, хоть какие-то – трудно такое принять просто на веру, я понимаю.

- И вы уступили русской церкви все лавры от победы над

холерой?

- А на кой они мне, скажите... что вы об этом знаете? – вскинулась я, - уже победа, действительно?

- Еще не полная, но болезнь больше не распространяется за границы карантина.

- А Крым, Москва? Мои сведения устарели.

- Чисты, насколько я помню.

- Хорошо... А лавры мне не нужны, обо мне не должны знать, тут я с Базаровым согласна – растащат на цитаты... станут требовать того, чего я дать не могу. Уничтожат, просто убьют в конце концов! Мое знание будущего обязательно кому-нибудь помешает. Гёррес еще и его фанатики... это опасно. Я буду молчать, согласна. Но в пределах, Фредерик. О холере и голоде я не смолчала.

- Пойду уже, - встал он с кресла, - необходимо подумать.

- Есть повод к размышлениям? – покивала я.

- Вы грамотно совместили две причины этого разговора, надо это признать, - раздался в темноте его тихий печальный смех, - полагали – ваш отказ померкнет на фоне того, что я узнал позже?

- Но вы же поверили?

- Сердцем. И вам. Разум протестует, Таис, - шагнул он к двери.

- Вы останетесь, откажетесь от Франции?

- Нет, не смогу. Но обещаю сделать все для вашей безопасности.

- И как скоро... вы уезжаете?

- Пока вы не понесете второго ребенка – так я объяснил свое желание задержаться в Штутгарте королю.

- Ничего себе... - тихо смеялась теперь я, - ну, тогда еще месяц-два?

Движение в темноте я уловила по наитию – отрицательный кивок головой.

- История о сохранении души ничего не затмила, Таис. Возможно я излишне мелок и слишком сосредоточен на себе и своих переживаниях, но сегодня был тяжелый для меня день. Пережить... скажем так – свое поражение, будет легче вдали от вас. Но своим покровительством я вас не оставлю. Защиту дам.

- И надолго вы туда?

- Судя по всему... до февраля? Или может дольше, не знаю.

- До завтра тогда... а как вы доберетесь до дома? Ганс ушел.

- Оседлаю лошадь, стреножу ее там. Займусь этим с удовольствием, проеду... Покойной ночи, Таис, крепко запри-тесь. Сегодня последняя ночь без охраны.

Проводив его к выходу, я поняла, что правильно диагностировала у себя психическую нестабильность. Сейчас я жутко жалела обо всем, что наговорила. Постель уже случилась, как-то я это пережила. Костя в прошлом. Вернее, отношения с ним. И всего-то нужно приложить усилие... а с

годами может прийти и любовь – кто знает? Фредерика было жаль до слез, до помутнения рассудка! Я едва сдержалась, чтобы не отработать назад, глядя, как он уходит в темноту, к конюшне. Вцепилась рукой в дверную лутку...

Но... между деревьями забрезжил свет возле конюшни. Заскрипели ее ворота. И я тихо отступила в дом, прикрыв дверь и опустив дверной засов.

Даша убьет меня – поняла обреченно. Теперь точно убьет.

Время давно перевалило за полночь.

В большом каменном доме у каминного огня сидел в глубоком кресле одинокий мужчина. Теплый халат, распахнувшийся на коленях, давал увидеть подштанники, босые ноги прятались в домашних туфлях – он готов был отойти ко сну, но... Наливал из клавлена в резной бокал напиток цвета бледного золота и медленно пил его, смакуя и размышляя. Пустела уже вторая емкость из-под знаменитого французского вина, и возможно именно благодаря этому мысли неслись легко, ложились гладко.

Франции в его жизни быть.

Особенно теперь, когда он знал об опасности – довольно уже боялся в этой жизни! Недовольства отца, жестокости старших кадетов, женщин, нелепых слухов и порицания родственников уже за дело... Хватит.

И оставаться рядом с Таис было невыносимо.

Он допустил то, от чего предостерегал его Отто – влюбил-

ся. И совершенно напрасно. Кстати, этот вечер заставил его усомниться в непогрешимости суждений Бисмарка – не все средства и методы завоевания и подчинения женщин хороши и оправданы.

Не каждой из них. С Таис не прошло.

Хотя, прояви он терпение, все могло быть иначе, раз он ей так безразличен. Когда-нибудь она полностью разочаровалась бы в том, что мог предложить ей Романов и тогда настал бы его черед. Но это время... а еще ее разочарование, беда, позор... И даже такой он принял бы ее, плюнув на мнение общества – не так он для него ценен. Или можно было уехать. В САСШ, к примеру... или даже не так кардинально – в ту же Пруссию, где мнение Вильгельма ценится постольку-поскольку.

Бисмарк учил не тому. Слишком самонадеян, слишком уверен в себе в отличие от него самого, что, собственно, и привлекло к нему в самом начале.

Но сейчас не о нем...

Потянувшись к листу бумаги, исписанному небрежным женским почерком, он еще раз вчитался в его строки. Посидел, глядя на затухающий огонь и, приняв окончательное решение, бросил письмо на угли. Смотрел, как оно чернеет, скукоживается и окончательно сгорает, рассыпаясь легким пеплом.

Не сегодня... уже завтра, на трезвую голову он сам собирался писать Романову. Без подробностей о консумации,

только взывая к совести и с требованием проявить милосердие к этой женщине.

Любовь любовью... свою вон приходится давить. И он справится. Сможет и Романов, раз Таис взялась за ум и пришла к твердому решению расстаться. Несмотря на глубокое чувство, пронизывающее каждое слово в письме, эта решимость прослеживалось в нем четко.

Эта женщина не пара ему – пора признать это. Она сильнее, а еще, как оказалось, старше на целых семь лет... верилось в это с трудом, как и в то, что когда-то она была некрасива. Хотя... это многое объясняло, в том числе ее скромность и неумение принимать комплименты.

Бутылка еще раз поднялась над бокалом, а потом тот взлетел, салютуя:

- За честность! Будь она наладна...

Глава 9

Фредерик убыл к месту службы через шестнадцать дней.

И каждый этот день я внимательно присматривалась к нему и прислушивалась к себе. Вначале безо всякой уверенности, что сделала правильный выбор, но дни мчались и с каждым прошедшим я понимала, что все я решила верно, что все сейчас так, как и должно быть.

Все это время при каждой нашей встрече, затаив дыхание, я ожидала от него, наконец, если не решимости помочь... не мне – замечу, а своей стране, то хотя бы интереса к тому, что случится в будущем, которое я знала. Базаров в свое время тоже был капитально шокирован, также опасался и внутренне дистанцировался ото всей этой мистики, но хотя бы будущее церкви его беспокоило. А в трудный момент он взялся помочь с холерой. Весенний, а не осенний выход экспедиции Невельского к Сахалину, а заодно и Аляске также его заслуга.

Фредерик же... Кроме как «молчите», больше и ничего на выходе. Понятно, что продиктовано это заботой обо мне и, скорее всего, он прав, но...

Я готова была дать ему в руки великолепный инструмент, исключительную возможность! В отличие от меня – женщины, все-таки возможности его были на порядок выше, потому что Вильгельмом и его отношением можно было манипулировать, и я даже подсказала бы как именно.

Здесь женщина сильна или капиталами, или теми, за чьей спиной она стоит. Он мог бы стать моей силой, я - его воз-

возможностями. Но... кажется, я давно уже это понимала, сейчас же только лишний раз уверилась...

Безынициативность и отсутствие авантюризма, амбициозности и предприимчивости... пускай еще – благоразумие и осторожность не являются недостатком личности, они ее особенность. Не обязательно всем быть лидерами, хорошие исполнители тоже нужны, а может даже и больше. И оттого, что Фредерик не умел или не хотел мыслить в государственных масштабах, он не перестал быть заботливым, умным, талантливым и просто неплохим человеком. Но как же это разочаровывало!

И с каждым уходящим днем все больше и больше.

Я простила ему и себе ту нашу ошибку, обвиняя все-таки больше себя... Знала же, что он неспособен, что силой не возьмет. Что оно вообще такое было? Единственный шанс стать на путь праведный? Гормоны, паника? Момент слабости и глупости... порыв бабьей жалости?

Уже без разницы, а значит и метаний моих не стоило.

Я оформила очередной свой патент - на мясорубку. В этом Фредерик помог, но и только. Теперь нужно было искать мастерские или производство чего-то там... где бы взялись за эту работу. И здесь я опять не знала куда кинуться, все могло закончиться, как с коляской и Цейсом, то есть – никак. Но просить мужа о помощи в этом деле, больше того – требовать его участия, мне и в голову не пришло... почему-то.

Зато он выполнил обещание дать мне безопасность. Пус-

кай и относительную – постоянное присутствие сильного мужчины в доме. Пока же каждую ночь в Дашиной мастерской на жесткой кушетке для сушки трав ночевал несчастный Ганс. Утром его сменял другой охранник – молчаливый усатый здоровяк по имени Михель лет около сорока на вид – чистюля и даже немного модник, который выполнял еще и мужскую работу по дому. Это оказалось очень кстати – в холодный период дров понадобится больше, а летом я этим не озаботилась.

Впрочем, мужская неустроенность была временной мерой.

На момент отъезда мужа было окончено строительство помещения для охранника. К задней стене дома привязали еще одну комнату размером где-то три на четыре, а вход в нее пробили под лестницей.

Вначале я была против - комната отрезала собой кусок садовой дорожки. Теперь по ней нельзя было пройти как бы по кругу... только в конец и обратно. Но и не только это меня заботило.

- Стены не высохнут, мы ждем дождей и туманов, а это влажность. Да с дождями они попросту оплывут, Фредерик!

- Оставьте это строителям, Таис – большую часть в наполнении стен займет камень. Солома и глина составят лишь необходимую связующую часть. Или же переезжайте в тот дом.

В тот дом я не хотела. Там бы я боялась.

Наши с ним отношения...

На первый взгляд, ничего не изменилось – он был все так же вежлив, заботлив и доброжелателен ко мне. После всего... и разговоров с выяснением отношений в том числе, должна бы возникнуть неловкость, но я запретила ее себе, а он молча принял этот формат поведения. И все-таки что-то такое чувствовалось... будто мы дружно играли свое спокойствие.

Курс психологии в универе, это всего-то курс, специалистом я не стала, но в причинах происходящего, кажется, разобралась.

Во-первых, все-таки было... как ты ни делай вид, что не помнишь. Во-вторых, я до последнего ждала его решения, его готовности, его заинтересованности что-то изменить, чем-то помочь. Это придавало нервозности, которую я старательно в себе подавляла.

В нем же чувствовалась некая отстраненность. Хорошо спрятанная обида? Вполне. Не показывать ее однозначно требовало усилий. Но было и что-то еще... взгляды... странные, будто сквозь меня или со стороны – сложно объяснить. Словно он пытался... хотел разглядеть во мне ту – другую? Или заново осмысливал все мои несоответствия, теперь уже зная им объяснение. Чужая душа потемки. Но, что бы там не творилось в наших душах... что бы мы ни натворили сдуру, как бы далеко ни шагнули назад, негатива я к нему не испытывала. Ненависти тем более.

Он и я - мы просто стали другими. И, скорее всего, ему было гораздо труднее принять новые обстоятельства, мои же моральные терзания и посыпание головы пеплом сильно урезал накативший вдруг токсикоз.

Уезжая, муж прощался со мной - бледно-голубой и размазанной по кровати низким давлением. Целовал руку, обещал ежедневно молиться о моем здоровье и обязательно писать. Я попросила его наклониться и троекратно, по-русски расцеловала в обе щеки, перекрестила. Жалела опять, просила беречь себя, плакала. Два дурака короче... что еще сказать?

А чувствовала я себя исключительно плохо – прошлый раз не мучалась настолько сильно, там скорее было связано с дорожными тяготами. Сейчас колбасило на ровном месте. Дашины травки, солености, фрукты и ягоды полностью не снимали гадостного ощущения разбитости. Я почти не ела и худела, меня шатало из стороны в сторону и клонило в сон, сил не было и даже постельный режим не помог. Наоборот – встав наконец, я поняла, что ослабела еще больше. В конце концов, поймав себя на том, что, мобилизуясь и ставя короткие цели, чувствую себя если и не лучше, то хотя бы не подыхающей, решила отводить несколько часов в день на жизнь. Через силу и через «не могу», но жить полноценно.

Отъезд Фредерика, страх за него и боязнь одиночества также отступили на второй план. В конце концов, предупрежден, значит вооружен... а мне так плохо!

Хорошенько подумав...

Пока не зарядили дожди, а решила все-таки составить более подробное мнение о клинике Земмельвейса. Нужно было ловить момент - перерыв между кормлениями ближе к ноябрю значительно увеличился, но Димка стал беспокоиться и пускать слюни. Я подозревала, что, когда пойдут зубы, мне точно уже будет не до инспекций.

Фредерик уехал и теперь в моем распоряжении всегда была карета и кучер. Мужская комната, построенная на деньги мужа и способом фахверка, потихоньку сохла, отапливаемая отдельным небольшим камином. В конюшне ждали своего часа охалки камыша, ими следовало обложить новострой, как только зарядят дожди.

Позаимствовав у Эльзы фартук, полностью прикрывающий спереди мое платье и прихватив самодельную маску, сменную обувь, а также нацепив фрейлинский шифр для важности, я отправилась в клинику. Сопровождал меня Михель. К этому мужчине я внимательно присматривалась, по нему у меня были вопросы. Сейчас же я собиралась использовать его еще и в качестве секретаря.

Подъезжая к клинике и заранее настраиваясь на жесткое сопротивление или же тихий вежливый саботаж... да на любые из возможных трудностей, к которым я здесь уже почти привыкла, само собой я нервничала. Это, скорее всего, и подняло давление, придав сил и работоспособности.

В клинику входила, как ледокол в ледовые поля – с разгона и решительно, но... на удивление, встретила понима-

ние и заинтересованность со стороны обоих врачей. Понятие «Русская акушерская школа» звучало свежо и, несмотря на легкий скептицизм во взглядах, похоже заинтересовало эскулапов. Особенно после того, как я и Михель при входе переобулись в запасную обувь и натянули маски.

К тому же, с советами «как лечить» я не лезла, оставив это на потом, а только напросилась еще раз, уже неспеша, посмотреть условия, в которых содержатся роженицы. Ходила по палатам, где при моем появлении мигом, будто по приказу стихали разговоры, стоны и вопли... смотрела, вникала, и по ходу диктовала Михелю, который следовал за мной с листом на подложке, чернильницей и пером. Голос не понижала, секрета из своих выводов и планов не делала. Получив знак, что нужно сделать запись, мужчина сразу же находил подходящее место и, макнув перо в чернила, внимал...

Эта готовность немедленно повиноваться любому моему слову, как приказу, его общая опрятность, приятная внешность, спокойные сдержанные манеры и даже почерк... все это наводило на определенные мысли. Нехорошие, надо сказать. Фредерик не мог так со мной поступить. Или мог?

Меня сопровождал Земмельвейс. Предварительные разговоры с ним я посчитала лишними, на них у меня просто не было времени.

- Записывайте, - диктовала я Михелю: - заказать пошив полсотни простых хлопчатых рубашек... коротких, по колено. Далее... хранить в палатах уличную одежду недопусти-

мо. Следует устроить гардероб, где роженицы могли бы оставить свою одежду, а значит... нужны доски и плотник. Пожалуй, вначале плотник... обсчитать потребность и сделать чертеж отдельных шкафчиков. Далее... необходимо омовение рожениц при поступлении в родильный дом, а это означает еще одно специальное помещение с чугунной ванной или поддоном. Простыни...

- Позволю себе заметить кхм... фрау Гогенлоэ... - острожно кашлянул Земмельвейс.

- Фрау Таис! И я также позволю себе краткое обращение, вы не против... герр доктор?

- Ни в коем разе! Это честь для меня. Но позволю себе заметить... каждой роженице положен сенной матрац, подушка и шерстяное одеяло. Простыни и тряпки... кхм, – давился он подробностями, - для личного пользования женщины приносят с собой. После их выписки сено из матраца, если тот был испачкан, идет на растопку, а чехол в стирку.

- Замечательно! Потому в ваших палатах и не смердит незнамо чем. Но пахнет, а значит пишите далее, Микель: матрац следует накрывать чистой простыней... принесут ее из дому – хорошо, но свой запас также необходим. На нее следует класть прорезиненную пеленку, а уже на ту сверху – пеленку хлопчатую, на которую и укладывается чисто вымытая с мылом роженица в свежей больничной рубашке, - обвела я взглядом очередную палату. Женщины внимательно меня слушали. Пришло в голову... и, усмехнувшись, я с

энтузиазмом продолжила:

- Его королевское величество чрезвычайно озабочен положением дел в медицине и делает все для улучшения условий в больницах и качества лечения своих подданных. А начать он решил с родовспоможения, с заботы о новом поколении граждан Вюртемберга, в том числе пригласив к нам лучшего в Европе врача-акушера. Господин Земмельвейс... - вежливо кивнула я в сторону врача и тот растерянно, но так же вежливо поклонился в ответ:

- Фрау Гогенлоэ-Ингельфинген...

- Поздравляю, фрау, все вы в надежных руках, - заверила я притихших рожениц: - А теперь вернемся к делу... пишите - после родов каждой из рожениц раз в сутки будет выдаваться отдельная пеленка для личного пользования. Дальше, испачканные, они изымаются, замачиваются и выполаскиваются вначале в холодной воде, затем кипятятся в щелоче. Пользоваться домашними пеленками невнятной чистоты как роженицам, так и младенцам в клинике недопустимо.

- Допустим, раз вы так настаиваете... почему – нет? Щедрость Его величества безгранична. Но, фрау... Таис, - неловко отвел взгляд доктор, увлекая меня в коридор: - Прорезиненная ткань... вы имеете в виду подобие той, что используется в макинтошах? Пускай – пеленки... но это приобретение обойдется нам почти в вес золота.

- О цене потом. И, герр Земмельвейс... я ни в коем разе не претендую на власть или начальственность в этой клини-

ке, но вы помните? Она является показательной. Сейчас мы только рисуем идеальную картинку – как оно должно быть. Но так оно и будет, а иначе теряется всякий смысл... Будем действовать постепенно. Не сопротивляйтесь, дорогой доктор... - посочувствовала я врачу, увидев, как тот трудно сглотнул:

- Для нас с вами цена не так важна – деньги найдем и помимо тех, что выделила Ее королевское высочество. Наша с вами первейшая задача – доказать всему миру... медицинской общественности, что причина родowego сепсиса есть только одна, а не сто одна, как описал в своем труде некий... простите, запаматовала, да и не стоит он внимания. Потому что правы вы, а не он и мы обязаны это доказать. Сепсис возникает от источника инфекции, и возбудители ее могут оказаться на любой необработанной должным образом поверхности. Сейчас мы постараемся исключить источники заражения в клинике в принципе... что не исключает смертных случаев от прочих родовых осложнений. Как обстоят дела с умершими, насколько в отдалении от палат находится морг? – тихо давила я авторитетом, пока врач не опомнился.

- Последняя комната, в самом конце коридора... она не отапливается.

- Давайте с этого дня мы исключим участие местных акушеров в выявлении причин гибели рожениц? Вам или же вашему коллеге, герр Земмельвейс, следует немедленно заклю-

читать договор с ближайшей клиникой, куда и будут доставляться тела для вскрытия, если в этом действительно есть необходимость и согласие родственников. Возникнут сложности с договором, кивайте на Ее королевское высочество, не пройдет – дайте знать мне, придется обращаться к Его величеству. Это единственное, что следует сделать вам лично, обеспечение же только мое дело.

- Таким образом работают в России? – не скрывая усталого скептицизма, вежливо интересовался доктор.

- Мы с вами будем так работать - мы.

- Но как тогда вести статистику? – поинтересовался второй врач – Алекс Беккер, совсем молодой еще мужчина, худой и светловолосый. Очень высокий и с огромными руками, ладони, как лопаты – обратила я внимание и широко улыбнулась – вспомнился анекдот о гинекологах. Ну да ладно!

- Доверимся коллегам? Это хлорный раствор, не так ли? – обратила я внимание на красную шелушащуюся кожу рук у обоих врачей, - так вы вскоре окажетесь без кожи. Но зараза все равно крепко въедается в поры, под ногти, а значит следует исключить самые опасные источники заражения, а это трупы, вам ли не знать? И еще одно - каково процентное соотношение хлора в растворе, насколько оно разумно на ваш взгляд? - покрутила я носом – глаза ело: - Я имею в виду того, которым обрабатывают пол и иные поверхности. Мне кажется, что разница меж тем, в котором замочен инструмент и полощется половая тряпка, должна быть в разы. Хлор уби-

вает заразу, но также он ядовит и вреден при вдыхании.

По коридору тихо проплыла одна из диаконис в своем бело-голубом уборе. Явно же уборка в их обязанности не входит, так чем тогда они здесь заняты?

Михель тихо кашлянул – пора было на кормление, и я быстро закруглилась. Попросила для изучения книгу расходов и поинтересовалась суммами, ежемесячно выделяемыми Ольгой на функционирование клиники. Получив на руки талмуд, сердечно распрощалась с врачами, пообещав следующий раз обсудить уже другие вопросы, а именно – собственно акушерские и для этого я собиралась взять с собой Дашу.

А пока что нужно было свести дебит с кредитом и выяснить, где именно можно заказать самое необходимое из того, что требовалось. Чугунную ванну или поддон в том числе и котлы для кипячения белья. Желательно бы еще люльки для новорожденных рядом с материнскими кроватями. С младенцем под боком на узкой кровати не отдохнуть, но это еще и опасно. Предродовая... родильный зал – там вообще должна быть зона стерильности. Вряд ли, конечно, получится подтянуть ее к необходимому уровню, но хоть что-то же...

В профессию я пока не лезла, чтобы лишний раз мужиков не злить.

Затошнило сразу, как только села в карету.

Подставив ближе к себе запасливо взятое с собой ведро, я откинулась на подушках, пережидая тошноту. Хреново. По-

пыталась отвлечься мыслями и видами за окном - помогало... а значит здесь не только физиология, но и психосоматика чего доброго.

Нужно было подсчитать сколько прорезиненной ткани понадобится, если резать ее где-то метр на метр. И да — она должна быть довольно дорога, поскольку лишь недавно изобретена Макинтошем — это я помнила из истории костюма. То есть, это американский импорт. Поступает сюда уже в виде готовых изделий или метражом? Неизвестно. Хэбэшку на пеленки и простыни как-нибудь найду, но их еще нужно шить и притом вручную... Швейную машину, более-менее похожую на современные мне, создали в Америке совсем недавно, только в 45 году. Пока еще насытят заокеанский рынок!

Халаты еще для врачей — вспомнилось, кстати. Сменная обувь обязательно. Состояние отопления тоже — скоро серьезно похолодает, так как там с ним? Куча нерешенных вопросов! Но я прислушалась к себе... после всех колдобин, что я посчитала здесь до этого, вот в такое парение по волнам как-то не особо и верилось. Но верить хотелось и теперь мне нужен был человек, буквально доверенное лицо — самой не выбегать ни по инстанциям, ни выискивая материальные источники. И нужен четкий список дел, буквально по датам и пунктам. А вот исполнитель... с ним все сложнее.

Михель вполне мог быть королевским засланцем. Но сейчас я была бы только рада этому. Скрывать мне нечего, а

вот помощь нужна. Откажет или возьмется? Даже интересно. Как и Ирма когда-то, он сразу вызвал во мне сомнения – слишком идеален и вышколен для простого помощника по дому или даже профессионального охранника. Тогда я не ошиблась, здесь тоже - вряд ли.

Дома меня ждал крошечный человечек, пускающий слюни. Ждала Даша, заварив крепчайший чай. Удивительно, но убивать меня она не спешила, ее поведение было ровным, она была спокойна. Сейчас только это и было мне нужно – стабильность и спокойствие.

Ночью наснился Петергоф.

Качели, на которых качалась Анни и юбки ее взлетали, высоко открывая стройные щиколотки в белых чулочках. Мудрая статс-дама Елизавета Павловна и Варя Дубенская... Кружились в голове стихи – на этот раз мои и писала я их в одиночестве, но в той самой беседке, где играли когда-то в буриме. Во сне я, казалось, даже слышала запах тех роз... подбирала слова и ложились они стройно, хотя и ужасно грустно. Мелькали в памяти, оживая в картинках, ровные парковые дорожки и живая стайка фрейлин в голубом бархате... смешки, картинные вздохи и глупые замечания о любви. «Ах, любовь зла и редко бывает счастливой» - одно из них оказалось пророческим. Та атмосфера лета, юности, вечного праздника и надежд наснилась мне, поманила и ушла, растаяв с рассветом.

Проснулась в слезах. Как так случилось, что я загнала себя

в эту клетку? Неужели и правда не будет больше той легкости и радости, нечаянного ожидания счастья и чувства крыльев за спиной? Несмотря на неопределенность моего положения, тогда все это было. И чувствовалось.

Нужно было вставать. Поесть самой хоть что-нибудь, покормить ребенка, составить список дел, а завтра заняться вербовкой будущего сообщника и агента.

- Михель... сейчас я объясню вам суть того, что происходило в клинике. С этого следовало начать, но я этот момент упустила, за что и прошу прощения, - приступила я к вербовке.

- Я весь внимание, принцесса, – с самого начала этот человек упорно называл меня принцессой.

- Возможно, вы знакомы с публикациями профессора Вундерлиха о клеточной структуре окружающего нас мира. Все вокруг состоит из мельчайших частиц, в том числе тех, что несут болезни... - начала я издалека и более-менее стройно и доходчиво объяснила направление работы Вундерлиха и Земмельвейса.

- Это величайшие умы нашей эпохи и в наше трудное время особенно важно донести до общества величие их достижений. Доктору придется в этом помочь и тогда его работа станет лучшим доказательством правоты профессора. Почему это так важно сделать сейчас, в самое ближайшее время? Я отслеживаю газетные публикации и очевидно, что напряжение в обществе растет, особенно в крупных государ-

ствах... Прямо сейчас, уже на наших глазах разворачивается мировой финансовый кризис. Пока еще не здесь, не у нас – стараниями короля. Но позже он затронет и Вюртемберг, я уверена. Во Франции политическая обстановка особенно опасна, а поскольку французы всегда были склонны к авантюрам... и престиж их короля в данный момент равен нулю, мы с вами просто обязаны встать на защиту авторитета своего монарха, чтобы не допустить в будущем революционных волнений в Штутгарте и не только...

И в том же все духе. В моих мыслях флаг с красным крестом уже гордо реял над Вюртембергом. Здоровье подданных всегда должно быть в приоритете, как и рабочие места для них – Франция будет требовать узаконенного права на труд. Вильгельму всего-то следует озаботиться наличием рабочих мест и своей репутацией отца нации. Успехи клиники Земмельвейса станут яркой иллюстрацией его заботы о людях, строительство новых клиник... или школ сестер милосердия, к примеру... или того же завода по производству мясорубок... Господи! Да будь моя воля, я бы так размахнулась, такую грандиозную пиар-кампанию развернула, что в результате Вильгельм встал бы во главе всей германской нации!

- Итак... мне необходима ваша помощь, герр Минних, - впервые обратилась я к мужчине не как к прислуге, - для начала нужно найти швейную мастерскую, где сшили бы больничные рубашки и пеленки с простынями. Объем заказа я

уже могу предоставить, ткань же... ее расход, а значит закупку еще следует рассчитать. Преследуя великие цели, я хочу начать с малого, вы готовы помочь мне в этом?

- Безусловно, фрау Гогенлоэ- Ингельфинген, - звучал сейчас его голос несколько иначе. И то его «принцесса»... я порозовела от злости, отводя взгляд – тогда в его устах оно звучало пренебрежительно... не интонацией, но определением. Почему я не поняла этого сразу?

- Обращайтесь ко мне «фрау Таис», герр Минних. Будем кратки.

Я даже не представляла тогда во что именно ввязываюсь. И насколько бурную деятельность мы разовьем вместе с Михелем, Дашей, как ни странно, а потом и Ольгой Николаевной, прибывшей в Штутгарт ближе к декабрю.

К этому времени сомнений в прогнозах Бисмарка у короля уже точно не оставалось. Что-то в связи с этим предпринималось им и окружением... многое – нет. Я делала, что могла.

Пришлось потратиться и закупать все необходимое на свои кровные. Траты эти мною скрупулезно записывались, я полагала предъявить их потом или Ольге, или же королю – там видно будет. В принципе, получалось не так и дорого. Все, кроме прорезиненной ткани, но, сцепив зубы, я постаралась не жаться слишком сильно, хотя жаба душила, чтоб ее! Во мне похоже жужжали прусские гены, диктуя умеренность в тратах. Пришлось давить их – нужен был результат.

Я собиралась организовать посещение клиники королем и широкое освещение этого события прессой – ни много, ни мало.

Рекламировать только условия содержания рожениц было бы глупо, нужна была статистика и благополучная, крепкая, хорошая. Кардинально отличная от результатов работы прочих подобных заведений. В этом помогла в том числе Даша.

Знакомство ее с врачами получилось просто фееричным.

Как раз принимали роженицу и, засучив рукава и макнув руки в хлорку, Земмельвейс намеревался изучить обстановку так сказать изнутри...

- Nicht! – рявкнула Даша, - ах ты, поганец... Рази ж можно?

Мужчина замер, а я осторожно поинтересовалась:

- Может он хочет узнать, насколько продвинулся плод? Как скоро ждать его появления?

- А живот на што? Тут щупать и надо, - быстро пальпировала она живот роженицы. Прислонилась ухом, прислушиваясь...

- Герр доктор... - соображала я как преподнести: - Русская акушерка полагает, что тревожить роженицу и плод не следует. Опытный врач должен уметь диагностировать состояние пациентки, лишний раз не тревожа ее. Это милосердие... Если все идет без видимых осложнений, в процесс родов лучше не вмешиваться, - вспоминала я уже из общеизвестного у нас, - а промежутки между схватками ясно укажут насколько

ко близки сами роды. Понятно, что каждый пациент индивидуален, но общая закономерность существует, не так ли?

- Безусловно! – наблюдал врач, как Даша ощупывает роженицу, положив ту уже на бок, как, прикрыв глаза и держа руку на животе, отсчитывает время согласно своим внутренним часам.

- В начале родов промежутки между схватками составляет около 10 минут, и они короткие, - вспоминала я собственные наблюдения, - по мере раскрытия шейки матки каждая схватка удлиняется, а время между ними сокращается. Когда промежуток составит 2-3 минуты, а сама схватка продолжается около минуты, пациентку пора доставить в родильный зал. Вы опросили роженицу? Когда все началось и который раз она рожает?

Даша выслушала перевод и, задумчиво качнув головой, резюмировала, взглянув в окно, в которое заглядывало полуденное солнце: - К вечеру и управится. Дитя хорошо лежит, крупненький мужичок.

- Мальчик, ты уверена? – удивилась я.

- Похоже на то. Родит сама, широка-то вон... Помучается понятно... впервой-то!

- А почему ты не дала врачу проверить это?

- А вот его бы так... зачем бабу мучать лишний раз, да еще и без надобности? И так ей несладко.

Подтверждением этому прозвучал мучительный стон.

Дашу я потеряла. Теперь каждый день она отправлялась

в клинику, занимаясь там исключительно роженицами. Изучив за год несколько расхожих слов и фраз на немецком, нужным языковым багажом она понятно не обладала и тогда сам Земмельвейс нашел ей помощницу и заодно переводчицу с русского – полячку из диаконисс пастора Флиднера. Мне было уже не до этого.

У Дмитрия шли зубы. Вышли сразу два нижних, а стояло им показаться, сразу резко вспухла и верхняя десна. Было больно, ребенок капризничал, но мы с кормилицей справлялись. К тому времени, как Даша стала работать в клинике, мне пришлось отказаться от кормления. С беременностью лактация и так уменьшилась, но пока молока хватало, я еще терпела, хотя процесс становился все более болезненным. Но в какой-то момент у меня вдруг потянуло живот. Уже на следующий день Михель доставил в дом кормилицу... Анна потеряла ребенка в родах. Я долго не могла полностью довериться ей, присматривалась, но Димка взял ее грудь сразу и это стало решающим моментом.

Я потихоньку сцеживалась, молоко ушло. Живот успокоился и будто повинувшись общей команде, прошел токсикоз.

Зубы шли, Димка капризничал и заняться мне было чем. Кроме того, хотя письма Фредерика всегда звучали успокаивающе, я опять стала изучать периодику Германий. Все говорило за то, что все-таки не обойдется... напряжение нарастало, как и мое беспокойство. Вместе с тем я внимательно следила за своим здоровьем. В первую очередь, это была

полноценная еда – аппетит вернулся и щеки мои порозовели. И прогулки тоже...

В какой-то из дней ноября в дом постучались, и Эльза доложила мне о госте. Этого человека я к себе уже и не ждала. Попросив проводить его в гостиную, я заглянула в сундук.

Приведя себя в порядок и заглянув по дороге в зеркало, задержалась перед ним...

Серебристая глубина отражала измотанную кормлением, капризничающим ребенком и новой беременностью женщину. Черты лица заострились, глаза казались огромными и совсем прозрачными. Кожи под ними коснулась легкая голубизна, делая взгляд глубже и взрослее. Нижнюю губу я поджимала теперь постоянно, а между бровями наметилась упрямая складочка-морщинка.

Корсет под шерстяным домашним платьем Анна легко затянула до упора, не доставив мне неудобств – живот еще не рос, и я волновалась по этому поводу. Я, но не Даша, а значит и не стоило волноваться.

Заглянув в детскую, я направилась вниз. Горчаков был редким гостем, хотя и присылал крестнику небольшие подарочки на церковные праздники. Спускаясь по лестнице, я взглянула вниз и замерла...

В небольшой прихожей, перекрывая вход, стояла детская коляска. Настоящая детская коляска – с большими колесами, обтянутыми лентой из каучука и поднятым тентом из дуг, затянутых синим бархатом...

Глава 10 Константин

После расставания с Таис Константин замолчал. Вначале просто притих расстроено, потом вдруг резко уснул и крепко спал все то время, пока карета двигалась к Штутгарту – другой дороги, кроме как следовать течению Неккар и ее долине, не было. Проснулся, когда характер движения экипажа изменился и колеса застучали по мостовой, отдаваясь мелкими толчками во всем теле.

Открыл глаза и сразу же, наткнувшись на пристальный взгляд Баташева, все вспомнил и нахмурился, понимая, что объяснение неизбежно.

- Полагаю, вам не дает покоя любопытство, Петр Денисович. Так вот – это не моя семья. И это все, что вам нужно знать.

- Узнать бы я хотел совсем иное, Константин Николаевич, а именно – кто автор той песни и нельзя ли получить слова и ноты соответственно?

- Фрау время от времени занимается сочинительством, и это одна из причин посещения мною Бад-Ураха, - недовольно отвернувшись к окошку Константи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.